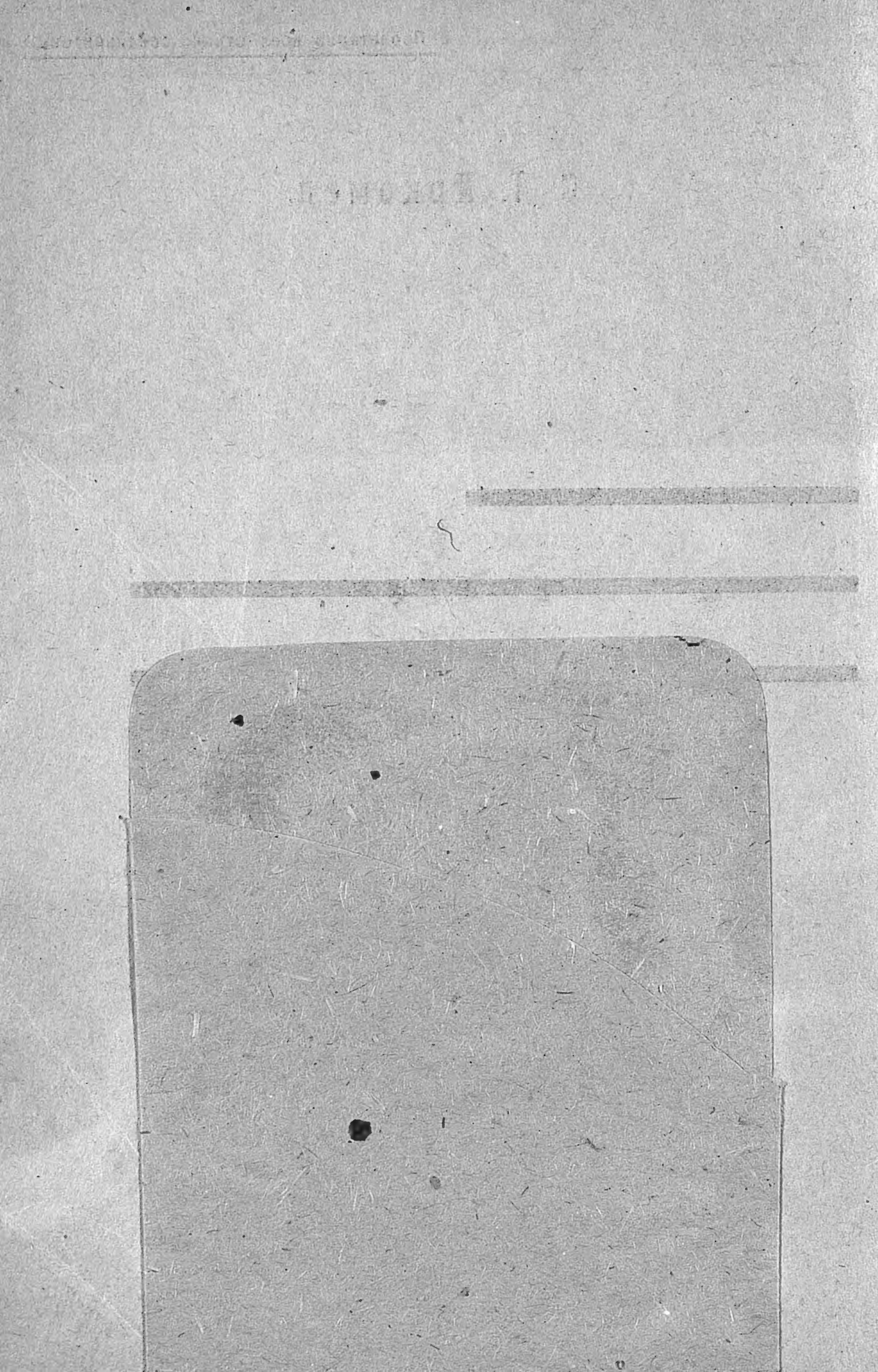
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. Т. Аркомед.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОТПАДЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ

1923
Тифлис.

ОПЕЧАТКА.

На странице 57 ой первую строчку, сверху начинающуюся словами „боя. Другие оказывали“... и т. д. необходимо перенести после 7-ой строчки снизу на той же странице и читать после слов „Батум перешел в наши руки . . . сдались без“...

SERIA A. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА № 28.

С. Т. Аркомед.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОТПАДЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ.

ТИФЛИС.
1923

Набрано и отпечатано в типографии газ. „**Заря Востока**" в количестве 1.000 экземпляров.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По поводу издания «Материалов по истории отпадения Закавказья от России» отдельной книжкой я должен сказать следующее:

Во-первых, факты и данные, из которых сделаны выводы, подобраны из архива официальных документов и тщательно проверены. Ни одного неосторожного выражения я не позволял себе, ни одного необоснованного заявления я не делал.

Во-вторых, в 1919 году вышла отдельной книжкой другая моя работа на армянском языке под заглавием «Политическая жизнь Закавказья в 1918 году», трактующая общеполитическое положение, создавшееся у нас в 1918 г. под напором внешних и внутренних событий. В ней мимоходом говорится и о трапезундских мирных переговорах и о политических и дипломатических шагах сейма, правительства и руководящей политической партии—грузинской социал-демократии. Фактов и данных там мало сравнительно с тем количеством, которое имеется в настоящей работе.

Серьезное и внимательное изучение официальных документов, касающихся политической и дипломатической жизни Закавказья 1918 года, привело меня к тем же выводам, какие были сделаны уже 4 года тому назад. В этом отношении нет никакой разницы между настоящей работой и предыдущей.

В-третьих, с 1918 г. по настоящее время мое мнение и отношение к грузинской социал-демократии, игравшей в то время роль руководящей политической партии, остается неизменным.

Я не щадил ее, как нельзя щадить вообще павшие до неузнаваемости социалистические партии.

Я не раз отмечал в прошлом, что чхенкелистское национально-реакционное течение, овладевшее почти всей грузинской социал-демократией, довело ее до полного падения.

Напрасно грузинские социал-демократы показывают вид, что они не видят существования у них этого течения и открещиваются от признания того, что почти вся грузинская социал-демократия вместе с Жордания, Церетели, Чхеидзе, Рамишвили и др. приобщилась к этому националистическому течению и стала под его знамя.

Меня со всех сторон, преимущественно из меньшевистского лагеря, осаждают с упреками, что я слишком много внимания уделяю личностям. **Личности могут только интересовать как политические деятели и другого значения для меня они не представляют.**

Когда Чхенкели вел такую политическую линию, позволял такие шаги, которые были явно гибельны для общего дела и жизненных интересов страны, тогда я говорю, что подобный политический деятель вредный человек, вредны и те, которые, согласившись с ним, шли рука об руку с ним. Когда в своем падении А. Чхенкели дошел до того, что в одно время не на шутку помышлял о призвании на престол Грузии одного из германских принцев (указывалось на одного из сыновей Вильгельма II) для спасения «возлюбленной родины» *), все его «видные» товарищи по партии, не только не вышвырнули вон из партии такого реакционера, а, напротив, восхваляли его, возвеличивали и возлагали на него высокие ответственные посты, и тогда я говорю, что все они являлись также пособниками реакции и политическими ренегатами.

Это надо понять всем тем простакам, которые, являясь чуждыми об'ективности, об'ясняют все суб'ективным отношением к личностям.

С. Т. АРКОМЕД.

---

*) Об этом скандальнейшем для нашего „социалиста" факте одним из депутатов было заявлено с трибуны Учредительного Собрания Грузии, на что он „дипломатически" ответил молчанием!.. К сожалению, я не нашел того протокола Учредительного Собрания, в которой внесено заявление депутата, разоблачившего „социалиста монархиста" Чхенкели.

ГЛАВА I.

Кавказ отпал от России в 1918 году и оставался оторванным от нее до установления у нас Советской власти.

Анализ этого исторического события, выяснение обстоятельств, сопровождавших его, даст возможность составить правильное понятие о его политическом значении для края и установить на основании проделанного опыта его невыгоды и отрицательные стороны.

Социал-демократия и другие социалистические течения нашей страны являлись до февральской революции сторонниками политического единства с Россией. Соц.-демократы особенно отстаивали единый фронт рабочей демократии Кавказа и России. В этом направлении они вели в течение десятков лет борьбу с царским режимом и никто из наших с.-д. революционеров не мог тогда думать, что настанет момент, когда Кавказ отделится от России и кавказская рабочая демократия порвет свою политическую и партийную связь с российской. Но с 1918 года грузинская соц.-дем. фракция Р. С.-Д. Р. П., игравшая в крае руководящую роль, ударилась в политику сепаратизма, которая раньше ей была чужда.

Националисты всех рангов и оттенков усматривали в отделении Кавказа от России возможность завоевания полной самостоятельности и независимости кавказских народов, освобождения их от «великодержавия России».

В 1918 году внешние германо-турецкие империалистические силы предоставляли им возможность осуществить давно лелеянную ими мысль об изолированном национальном существовании и создании независимых друг от друга национальных государств. Восстановление исторически-обособленных национально-государственных единиц, в каких бы политических формах это восстановление ни произошло,—такова была тенденция, проявившаяся после февральской революции, как у грузинских дворянских, мелкобуржуазных, так и армянских буржуазных и татарских феодальных элементов.

Националисты нашего края одним мерилом мерили старый и новый режимы, как деспотический, так и демократический, социалистиче-

ский. Всякий установленный в России политический режим им казался тождественным. Вот почему они царский и большевистский, советский режимы квалифицировали одинаково «великодержавными». Впрочем, это непонимание националистических элементов не было случайным явлением или продуктом их политической незрелости; оно может быть об'яснено не иначе, как инстинктом сохранения своих классовых интересов.

То, что пережили после 9 апреля и 26 мая 1918 года наши кавказские народы в течение 3—4 лет, доказывает одно: у наших националистов до сих пор сохранилось средневековое понятие о политическом строительстве, о национальных взаимоотношениях.

В 1918—19 годах очень много говорили и писали о том, что непреодолимые события, развернувшиеся в России и на Кавказе в конце первого и в начале второго года февральской революции, нашествие внешних империалистических сил и т. д. вынудили наших политических руководителей, даже крайних из них, каковыми считали грузинских социал-демократов меньшевиков, принять новый политический курс, каковой немыслим был раньше, год или даже несколько месяцев тому назад. Этот новый политический курс состоял в сепаратизме.

9 апреля 1918 года было торжественно провозглашено в Закавказском Сейме отделение Закавказья от России, а 26-го мая еще более торжественно было об'явлено разделение Закавказья на отдельные национально-территориальные государства, на «независимости» Грузии, Армении и Азербайджана. Это делалось в угоду германо-турецких империалистов в целях, во-первых, «физического сохранения нации», и, во-вторых, разрешения с помощью внешних империалистических сил, преимущественно германцев, национального вопроса на Кавказе.

Нет никакого сомнения в том, что внешние империалистические силы (германо-турецкие) стремились к отторжению Закавказья от России, расчленению и раздроблению края на мелкие части, на миниатюрные, независимые друг от друга национально-государственные единицы для того, чтобы, ослабив их внутренний и внешний фронты, облегчить осуществление своих империалистических планов.

Эти стремления внешних вражеских сил, в той или другой мере, отвечали национальным задачам буржуазных элементов нашей страны.

Правда, эти руководящие элементы, даже крайне реакционные из них—муссаватисты, не могли не сознать цели порабощения внешних сил, не чувствовать на себе их гнета, тем не менее, они это считали наименьшим злом в сравнении с большевистской «анархией». В дальнейшем изложении будет отмечено, как грузинские соц.-демократы, даже виднейшие из них, не говоря уже о муссаватистах и других, считали необходимым вести с большевиками борьбу более беспощадную, чем с кем бы то ни было; они предпочли бы подпасть под иго турок, даже дьяволов, чем быть в союзе с большевиками.

Представители националистических течений и особенно грузинские соц.-демократы твердили и уверяли, что они под давлением внешних сил и в силу своей беспомощности и бессилия, были вынуждены идти на всякие уступки врагам, преклониться перед их неумолимыми требованиями. Мы дальше увидим, какую долю правды и неправды содержало это утверждение. Однако, надо сказать, что создавшееся в 1918 году положение, целиком не об'ясняется «непреодолимостью» обстоятельств, «вынужденностью» преклониться перед «роковой судьбой». Все свалить на принудительность обстоятельств и на головы большевиков, как это делали грузинские с.-д., стараясь во что бы то ни стало спасти себя от всякой ответственности перед судом истории за свою позорную политику и явно изменнический образ действий, было и нелепо и нечестно.

Летом 1918 года, по совершении ряда позорных политических деяний, от имени областного комитета закавказских соц.-дем. организаций, формально не отколовшихся еще тогда от Р. С.-Д. Р. П., было адресовано Ц. К. последней письмо за подписью Жордания и Церетели, в котором авторы об'ясняли сепаратистический образ действий грузинской соц.-демократии исключительно принудительностью обстоятельств и деятельностью российских большевиков. Они всей своей энергией старались показать и доказать свою невинность перед центральным органом партии, особым тоном умиления просили его принять во внимание неописуемые страдания и безвыходное положение, в котором очутился народ, и согласиться с тем, что принятая ими политическая линия поведения была правильна *). Но подобной «тартюфри» невозможно было избавиться от тяжелой ответственности.

Более всего странной звучала в названном письме следующая фраза: «Тягчайшие удары были нанесены завоевателями армянскому народу и мы считаем для себя существенным вопросом при создавшихся условиях защиту его интересов». Это писали и говорили грузинские соц.-демократы в то время, когда они не могли не сознавать, что вся их политика соглашения и дружбы с муссаватом, турецкими и германскими империалистами, преследуемая ими, будто бы в целях «физического сохранения и ограждения интересов Грузии», обрекала на полное избиение и уничтожение армянский народ, когда началось, чуть-ли не с первых дней провозглашения «независимости» Грузии, небывалое

*) Я не был в состоянии своевременно выступить против этого позорного письма и разоблачить его истинное значение. В армянской литературе отмечено было мною уже об этом. Пользуюсь случаем заявить, что уже с первых же месяцев 1918 г. я глубоко убедился в том, что грузинские с.-д. „лидеры“ покинули принцип классовой борьбы и стали на национально-буржуазную почву. 25 мая 1918 г. я обстоятельно написал с.-д. областному комитету, членом и вице-председателем которого я состоял, о моем полном принципиальном расхождения с принятой им антисоциалистической тактикой и политикой и о моем уходе из областного комитета.

до того гонение против «инородцев» и в первую голову против армян, живших веками на территории Грузии, а, спустя не более 6-ти месяцев после появления упомянутого хитро сплетенного письма, началось в мрачные дни армяно-грузинской войны (декабрь 1918 г.) небывалое бесчеловечное гонение *) против всего, что носило имя «армянин» и «армянское», когда, наконец, при энергичных усилиях правящей с.-д. партии создать крепкую национальную буржуазию и «национальное» государство, вытеснялись не только армянские буржуазно-националистические элементы, но и демократические, рабочие; причем с применением скоропалительной жестокой всеобщей «национализации» (иначе говоря, бессмысленной, грубой грузинификации), «национализировался» также труд и армяне рабочие и служащие (а также русские) увольнялись от работ и службы.

Вот как грузинские соц.-демократы-чхенкелисты «считали для себя существенным вопросом защиту интересов армянского народа».

Итак, в мрачную годину политической истории нашей страны бывшие наши политические руководители вели себя так, как никогда, делали на практике все то, что отрицали в теории, уверяли на словах об одном, на деле же делали совсем другое; словом, они обнаруживали полное несоответствие между словом и делом.

Кроме этого, заметно было также в рядах грузинских соц.-демократов, даже влиятельных из них, игравших руководящую роль в рабочей демократии, растерянность, уныние и разочарование. Это об'яснялось, главным образом, крупными внешними и внутренними событиями, оказавшими на них давление. Но отчасти это было вызвано расстройством и разложением войск, оголением фронтов и унынием, охватившим некоторые части народных масс.

Параллельно с явлением разочарования, падения духа, можно было бы констатировать у многих «вожаков демократии» факты схождения с пути, измены, подлости, низости, предательства.

Люди узнаются в дни ужасов и в критические моменты жизни. «Спасайся, кто как может»—таков был лозунг среди ужасов и катастрофических потрясений 1918 года.

Плох тот генерал, который в случаях неудач во время борьбы с врагом теряет душевное равновесие и поддается унынию, охватившему войска. Наши «генералы»-вожаки народа показали полное свое ничтожество, малодушие, убогость политического борца при виде некоторой

*) Под предлогом преследования армянских националистов-дашнакцаканов.

апатичности народных масс *). Они сложили оружие борьбы. оправдываясь, тем, что народ не хочет бороться, народ устал и т. д. Они сошли с пути революционной борьбы и все дальнейшие их шаги и действия представляли ни что иное, как дезертирство. Ставши на путь дипломатических переговоров, они пошли на всякие уступки врагам, что делало их вульгарными дипломатами, буржуазными политическими дельцами.

Подтверждение всего сказанного выше читатель найдет в дальнейшем нашем изложении.

ГЛАВА II.

1918 год представляет начало самой мрачной эпохи социально-политической жизни нашей страны.

Великие события мировой войны, безобразные порядки и традиции, унаследеванные от старого царского векового режима и некоторые неизбежные отрицательные явления февральской революции, естественно возникшие и развившиеся при условиях войны и старого режима, имели сокрушающее влияние на народы, населяющие Россию и Кавказ, Благодаря этому, единый социально-политический организм нашей страны был совершенно разложен. Кавказские народы подверглись почти той же участи, как и народы России, этой общей матери современных революций. Как Кавказ, так и Россия (кроме ее центральной части) разделился на мелкие территории, каждая из которых об'явила себя отдельной «независимой» политической единицей.

Децентралистическое движение на-спех сколоченных правительств Кавказа и др. окраинных территориальных частей России, проявляется в начале революции наряду с тенденцией централистического движения Советов рабочих депутатов. На втором же году революции (1918 г.) сепаратистическое течение принимает уже все более грозный характер.

Две противоположные политические тенденции наблюдаются в это время—тенденция центростремительная, с одной стороны, и центробежная—с другой.

Центростремительное течение было характеризующим явлением в течение всего освободительного движения рабочего класса России. Между тем, течение центробежное, стало проявляться особенно ярко во время февральской революции в острые моменты ее развития, когда на-

*) От Редакции „Кр. Кн.". Об апатичности и усталости народных масс в те дни не могло быть и речи. Длительные и повторные восстания в Душетском, Лечхумском уездах и по всей Мингрелия луше всего подтверждали готовность масс на борьбу. Сами грузинские меньшевики официально признавались, что восстания вспыхивали под лозунгом воссоедиения с рабоче-крестьянской Россией и замены в Грузии „правительства, подкупленного помещиками". Советским правительством.

циональные мелкобуржуазные и буржуазные—преимущественно нерусские, элементы явно стремятся под лозунгом «демократического самоопределения» к сепаратизму, к изолированному от центра национально-индивидуальному развитию.

Последнее движение означало поворот от единого централизованного движения к политической обособленности и изоляции *).

В развитии этого центробежного сепаратического движения сказывалось действие национальной идеологии. Стихийность и инстинктивность играли в нем преобладающую роль. Бессознательное и одностороннс-узкое отношение к защите местных, индивидуальных интересов проявлялось даже у таких общественных политических слоев и групп, которым подобное отношение должно было быть чуждо. Именно этим ложным пониманием местных, национально-индивидуальных интересов отодвигалось всеобщее и общекраевое, без которого местное и частное обречено всегда на жалкое существование, неподвижность и застой.

Надо констатировать исторический неопровержимый факт: партикуляризм и национализм победили в начальном периоде революции, но эта победа должна была неизбежно кончиться поражением.

Народы, культурное развитие которых шло веками одновременно и во взаимных солидарных отношениях, не могли бы долго существовать изолированно и оторванно друг от друга. Об'единенные в течение долгого периода истории духовными, социально-экономическими связями, они чувствовали бы в таком положении величайшие страдания и затруднения. Социально-экономические связи между народами Кавказа и России настолько необходимы с точки зрения исторического их развития, что единство политического и социально-экономического фронта является для них жизненной потребностью.

Какое положение создалось у нас на Кавказе, какие моменты пережили кавказские народы в 1918 году?—Я попытаюсь это представить читателю в кратких чертах.

Октябрьским переворотом, имевшим место в столицах России, было свергнуто коалиционное правительство Керенского и установлена Советская власть.

После падения в России Временного Правительства, назначенное им в Закавказьи правительство под названием «Особый Закавказский Комитет» (Озаком) было также устранено. Его заменило новое правительство под именем «Закавказский Комиссариат» (Заком). Это последнее было составлено в ноябре 1917 г. по соглашению и решению всех

*) Считаю необходимым отметить, что мысли, развиваемые здесь, были уже высказаны мной почти дословно разновременно в 1918, 1919. г. г. в армянских социалистических газетах и преимущественно, в моей работе под заглавием „Политическая жизнь Закавказья в 1918 году“ вышедшей отдельной книжкой на армянск. языке в 1919 г.

действовавших тогда в крае политических партий и центральных краевых организаций Закавказской демократии (Сов. р., кр. и солд. депут.).

До этого страна управлялась декретами и инструкциями, данными Временным Правительством Озакому.

Закавказскими политическими руководителями не была признана Советская власть, установленная в Центральной России после падения правительства Керенского.

Для всякого понятно, что народ не может долго существовать без правления и без какого бы то ни было законодательного органа при буржуазных общественных отношениях. Кавказ в это время был лишен подобной власти. Правда, существовали в крае Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и их краевые центральные органы в Тифлисе; с первых же дней своего возникновения они играли во время революции, главным образом, административную роль, столь необходимую в стране, подвергшейся в ту пору полной анархии благодаря войне и старому режиму.

Советы, кроме того, исполняли здесь отчасти и законодательную функцию; но не для этой цели они были призваны к жизни. При всем своем желании они не были в состоянии выполнить в полной мере эту функцию и удовлетворить в дни бушевавшей революции многоразличные потребности разнородных общественно-классовых и национальных групп страны.

Возникла необходимость иметь особый общекраевой законодательный орган. Он был создан под именем «Закавказского Сейма». Он не был избран на основании всеобщего демократического голосования. В его состав вошли депутаты, избранные населением Кавказа во Всероссийское Учредительное Собрание в утроенном количестве; при чем необходимое число было дополнено из кандидатских списков политических организаций, принимавших участие в выборах Учредительного Собрания.

Открытие Закавказского Сейма состоялось 10 февраля 1918 года.

На Сейм, возникший впервые как законодательный орган, на территории Кавказа, следует смотреть, как на конкретный образец политической децентрализации, такое политическое учреждение, которое в обычное время при благоприятных обстоятельствах было бы в состоянии сыграть известную положительную роль.

Но с одной стороны, крайне разнородный состав его членов, большинство которых представляло взаимно-враждующие националистические элементы, совершенно неспособные на соблюдение всеобщих краевых интересов и сохранение политического единства страны, а с другой —быстрое развитие и усиление внутренних и внешних реакционных сил

и течений. успехи наступлений и натиск внешних империалистических сил подрывали существование Сейма *).

Если принять во внимание и то, что одновременно с Завкавк. комиссариатом, Сеймом и правительственными войсками существовали «национальные советы» и особые «национальные отряды и войска», которые своими безумными, сепаратными действиями ослабляли, дезорганизовывали единый политический фронт, дискредитировали перед народными массами значение и репутацию правительства, словом фактически играли роль «государств в государстве», то после всего этого ясно, что долгое существование какой бы то ни было власти немыслимо было в стране. На самом деле Сейм просуществовал только три с половиной месяца и был распущен 26 мая (с 10 февраля до 26 мая 1918 г.).

После заключения в Брест-Литовске 18 февраля (3 марта н. ст.) договора между Россией и Германией, германские и турецкие империалистические силы стали беспрерывно наступать и вторгаться все более вглубь страны; первые надвигались с западного фронта на Россию, вторые с Эрзерумского вилайета на Кавказ.

Договоры, заключенные в 1918 г. между Кавказом и Турцией в Трапезунде и Батуме, были настолько унизительны, что, благодаря им устранялись не только все свободы и завоевания революции, но и уничтожалась всякая тень независимости и самостоятельности народов Закавказья.

Гнусность поведения руководителей политики, вроде Чхенкели, Рамишвили и друг. заключается не в том, что они, не имея или не чувствуя за собой достаточной материальной и физической силы, вынуждены были в силу своей слабости и беспомощности отступить перед более сильным врагом, что было бы естественно и понятно, а в том, что, во-первых, они являлись перед врагом не как стойкие представители, исполнители воли рабочего класса, а как жалкие трусы, дав все свое согласие и подпись под **самоубийственными условиями,** продиктованными врагом-повелителем и, во-вторых, они игнорировали возможности сопротивления, не исчерпали всех средств борьбы, хотя и клялись в противоположных геройствах.

Этого они не только не сделали, а, наоборот, своим **расположением**, действиями, всей своей тактикой они, словно по влечению сердца, шли навстречу империалистических планов врагов, облегчали и содействовали осуществлению их замыслов.

В этом сущность позорной деятельности политических руководителей-социалистов нашей страны.

*) Мы не упускаем совершенно из виду того важного обстоятельства, что крайняя децентралистическая и непримиримая с Советской Росией политика Сейма и провозглашение им политической сепарации Кавказа от России окончательно погубили его.

Мировая война дала много примеров и фактов морального падения в социалистических кругах мира; к их числу прибавился еще один неопровержимый печальный факт падения многих из социалистов, руководящих политической жизнью Кавказа.

Мы после увидим, как наша страна была раздроблена, народы наши раз'единены друг от друга, благодаря отчасти этим же «знаменитостям» Кавказского социализма.

ГЛАВА III.

Осенью 1917 года Турция обратилась к Закавказскому Комиссариату с предложением заключить «дружественный мир», положить конец ради «человеколюбия» братоубийственной войне. В руководящих социалистических кругах нашей страны было искренно и радостно принято это «миролюбивое» предложение Турции.

Делегация, в состав которой входили М. Смирнов (с.-д.), Тевзая (с.-д.). Джамалян (дашнакцакан) и генерал Вышинский, была отправлена в Турцию (гор. Эрзинджан) для переговоров с турками об условиях перемирия.

В декабре 1917 г. были заключены условия перемирия между Закавказьем и Турцией.

Нет никакого сомнения в том, что за спиной Турции действовала Германия Вильгельма и Гинденбурга. Каждое, более и менее серьезное действие, каждый стратегический шаг Турции был продиктован Германией, чего совершенно не приняли во внимание и не поняли наши близорукие германофильские политики из грузинских социал-демократов чхенкелевского толка. Как мы увидим дальше, они не только не были в состоянии понять, что все, что делала и позволяла себе Турция, делала по плану и внушению Германии, но они, в самые критические моменты, когда султанская Турция готовилась к завоеванию нашего края, обращались к помощи Германии, как к спасительнице и освободительнице Грузии от азиатских варваров *).

Германцы и турки вздумали сыграть дьявольскую комедию с народами Кавказа. Перемирие между Турцией и Кавказом было только для Германии предлогом выиграть время с целью ослабить и расстроить единство политического фронта и силы сопротивления Закавказья.

Нарушение Турцией условия перемирия, что произошло вскоре, не было неожиданным. В течение 3—4 месяцев со дня заключения перемирия вплоть до мирных переговоров в Трапезунде военные операции турок не-

*) Впоследствии грузинское социал-демократы неоднократно высказывали устно и письмено мнение о том, что немцы спасли Грузию от разгрома турок. Ввиду этого они не упускали случая выражать свою признательность и благодарность Германии Гинденбургов. Такой же отзыв о роли немцев в Грузии найдет читатель в книге „Тяжелый Крест“ В. Джугели, известного усмирителя народных восстаний в Грузии.

только не были прекращены в силу перемирия, наоборот, совершались безостановочно, в спешном порядке. Турция без всяких затруднений взяла один за другим: г. Ерзинджан 30 января (1918 г.), Байбурт 4 февраля, Мамахатун 8 февраля и Эрзерум 29 февраля *).

Этот факт нарушения Турцией условий перемирия, не послужил в достаточной мере поучительным уроком для политич. руковод. кругов Закавказья, они после того не проявили никакой осторожности и политическ. дальновидности в вопросе о вступлении в соглашение с турками и ведении с ними мирных переговоров, они не дали себе труда хоть несколько подумать о том, что решение вести мирные переговоры с нарушителями условий перемирия было чрезвычайно рисковано. Если же температура «миролюбия» наших горе-политиков была настолько повышена в тот момент, что они готовы были во что бы то ни стало заключить мир для прекращения «братоубийственной войны», как лицемерно выражалось правительство султана, то в таком случае они должны были сделать все возможное, исчерпать все средства к тому, чтобы усилить оборону, всемерно обеспечить границы страны от наступлений турецкой армии. Но, повторяю, у наших ответственных политических кругов не замечалось в этом направлении ни настроения, ни попыток, ни подобного рода политической дальновидности. Наоборот, мы были свидетелями того, что «национальные советы» и их руководители, о которых была уже речь, ослабляли своими сепаратными действиями и тактикой механизм центрального правительства, дискредитировали значение и правомочность его; мы были свидетелями того, что даже центральное правительство, находящееся под руководством грузинских социал-демократов, с одинаковым вниманием и заботливостью не относилось к границам Армении и Грузии, одинаково угрожаемым врагом. Его представители посещали в критические моменты Батум, Поти, Озургеты (границы Грузии) с целью укрепления позиции, между тем, никто из них и не думал отправляться в Сарыкамыш, Карс или Александрополь (границы Армении) и, ознакомившись на местах с положением, принять меры обеспечения и укрепления фронта, если это нужно было.

Все были охвачены болезнью государственной, политической слепоты и односторонности, атрофировалась всякая способность понимания общекраевых, общегосударственных интересов *).

До начала Трапезундской мирной конференции (27 февраля) в Закавказьи имел место ряд серьезных событий. С наступлением 1918 года дезертирство приняло более угрожающие размеры, чем когда бы то ни было. Массовый отход русских войск с фронтов Кавказа создавал весьма критическое положение. После заключения мира в Брест-Литовске удержать русские войска на фронтах Кавказа не было возможности. Началось, как ла-

*) Этот последний город был взят в тот момент, когда уже начались мирные переговоры в Трапезунде.

*) См. мою работу „Политическая жизнь Закавказья в 1918 году" (на арм. яз.) стр. 24, 25.

вина, течение из Закавказья в Россию. Оголение фронтов имело роковое значение для страны. Оставшиеся на фронтах местные военные силы не были в состоянии в достаточной мере обеспечить и оборонять границы; следовательно, турки и содействовавшие им германцы имели полную возможность ускоренным темпом начать свое наступательное движение и вторгаться вглубь страны.

За время перемирия особенно развилась деятельность турецкого агентства и шпионаж. Турецкие эмиссары, наводнявшие преимущественно территории с мусульманским населением, делали свободно свое дело. Турецкая пропаганда и агитация велась в таких формах и размерах, чего раньше никогда не было и не могло быть. Да никто об этом не мог раньше и думать. В этом очень много содействовало Турции местное мусульманское феодальное сословие. Смело можно сказать: не будь подобного содействия Турции, турки не были бы в состоянии с такой легкостью вторгаться и завоевать нашу страну, как это мы видели весною и летом 1918 г.

Партия мусульманского феодального класса—класса беков и ханов, известная под именем «Муссават», находившаяся в тесных сношениях с правительством Энвера и Талаат-пашей, заняла позицию враждебную целости и единству Кавказа и благоприятную туркам.

Благодаря провокационной деятельности муссаватистов и турецких агентов, татарские бессознательные и темные вооруженные массы, под руководством тех и других, начали разорять страну, грабить и резать, громить железнодорожные пути, поезда и мосты... Столкновения с армянскими вооруженными отрядами еще больше ухудшали положение, превращали целые районы в развалины и гекатомбы.

Народы были сдвинуты с своего местожительства, бесчисленное количество жертв и мучеников унесла из них лавина исторического варварства и беспросветной тьмы и невежества...

Таково было положение страны, когда начались в Трапезунде мирные переговоры между делегациями кавказцев и турок.

Закавказский Сейм на заседании 16 февраля единогласно решил послать особую делегацию в Трапезунд для мирных переговоров с Турцией. Эта делегация, возглавляемая Чхенкели, состояла из 11 членов (2 с.-д., 1 нац.-дем., 1 соц.-фед., 2 дашнакцакана, 1 гумметист, 2 муссаватиста, 1 мусульманского соц. блока и 1 из рос. мус. партии). Ее сопровождало множество годных и негодных лиц и вооруженная свита из 50 чел.

Турецкая делегация, во главе хитрого дипломата Рауф-бея, была представлена в сравнительно меньшем количестве лиц.

Обе делегации съехались в Трапезунде 27 февраля. Работы конференции фактически начались 1 марта и продолжались до 1 апреля *).

*) В первые дни, после встречи, имели место официальные свидания и визиты, были произнесены с той и с другой стороны отвратительные лицемерно- фальшивые речи о любви народов, о солидарности, о братстве, о человеколюбии и о многих подобного рода хороших вещах.

Прежде всего, надо здесь отметить, что на заседании 17 февраля Сеймом были приняты 4 принципиальных условия, на основании которых делегация должна была вести переговоры с турками. В силу данных Сеймом инструкций, делегация обязывалась руководствоваться решением Сейма при ведении переговоров. Однако, ничего подобного мы не видели. Трусость, малодушие, моральное убожество и крайняя близорукость, вот какие качества проявили наши «дипломаты» с первых же дней переговоров.

На заседании 1 марта, т. е. в день официального открытия конференции, Рауф-бею удалось ловким дипломатическим ходом поставить нашу делегацию в безвыходное положение, из которого выйти ей уже не было возможности.

В вежливой и льстивой дипломатической форме выражения Рауф-бей очень осторожно и обманным путем делает предложение представить «точные сведения об административной, политической организации, форме и сущности Кавказской республики».

Наша делегация, оставляя в стороне указания и решения Сейма, которыми она была обязана руководиться, дает туркам на втором заседании конференции такого рода ответ в особом письменном заявлении, который не был ни в какой связи ни с решениями Сейма, ни с указаниями правительственных органов и желаниями и волей кавказской рабочей демократии.

Делегация в своем письменном ответе представляла Кавказ, как независимый от России край и как вполне независимое государсто. Что вышло из такой постановки вопроса, об этом и будет речь в дальнейшем.

ГЛАВА IV.

Закавказский Сейм с самого же начала своего существования стал на точку зрения политической сепарации. Авангардом этой политики явилась, как это ни было странно и неожиданно, грузинская соц.-демократия.

Сейм счел в праве действовать сепаратно, когда Закавказье не отделялось еще от России и считалось ее составной частью. Он признал себя правомочным вести иностранную политику и заключить мирный договор с Турцией.

Заключить мир с какой бы ни было из иностранных держав, означало ни что иное, как признать себя независимым государством. Но признать себя независимым какому-либо правительственному органу, возникшему временно при необычайных условиях общественно-политической жизни, не значит еще быть на самом деле таковым. Закавказье было отрезано, хотя и не совсем, от России, вследствие крупных катастрофических событий, но не отделялось еще от нее ни политически, ни экономически. De facto страна не была независима, если даже принять во внимание факт образования местных правительственных органов, так как она не декларировала о своем политическом отпадении и независи-

мости от России и, что еще важнее, не опрашивала воли ее населения путем референдума или в иной демократически приемлемой форме

De jure она тем более не была признана ни соседними, ни дальними державами на основе принципа международного права. Однако, Сейм решил заключить мирный договор с Турцией, как до этого еще 5 декабря 1917 года закавказским правительством были заключены с ней условия перемирия.

Несмотря на все это, Сейм не давал категорически определенного уполномочия делегации выступить при мирных переговорах, как от имени независимого государства.

Основные положения, данные Сеймом делегации, были следующие:

1. Закавказский Сейм, при создавшихся условиях, считает себя правомочным заключить мир с Турцией.

2. Закавказский Сейм, приступая к мирным переговорам, ставит себе задачей заключить окончательный мир с Турцией.

3. В основание заключенного мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту об'явления войны 1914 г.

4. Делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии Турецкой Армении в рамках турецкой государственности.

Регламент, которым должна была руководствоваться делегация, гласит:

1. Делегация выступает, как единое целое, через своего председателя или особо в каждом отдельном случае, уполномоченное лицо, в пределах основных положений, принятых Сеймом, и никакие сепаратные выступления не допускаются.

2. Делегация подробно осведомляет Сейм о ходе переговоров, испрашивая по всем важным вопросам предварительные указания Сейма *).

«При создавшихся условиях» Сейм счел себя правомочным заключить мир; это означало признание себя правомочным органом независимого государства, когда последнего еще не было, или, вернее сказать, было только в процессе образования. В одно и то же время Сейм ставил себе задачей заключить **окончательный мир** (курсив мой С. Т. Арк.) с Турцией, это не означало ничего другого, как игнорирование международных отношений и мировых событий, которые в любой момент были бы в состоянии превратить в ничто «заключенный окончательный мир».

Таким образом, Сейм создавал двойственное, неопределенное положение для делегации. Он не давал ей категорической директивы, должна-ли была она или нет выступать при переговорах как от имени независимого государства.

На состоявшемся в день выезда делегации в Трапезунд (22 февраля)

*) Стенограф. отчет засед. 16 февраля Закавк. Сейма.

заседании Сейма было принято, после продолжительных дебатов, следующее предложение с.-д. фракции Сейма:

«Обсудив вопрос об об'явлении Закавказья независимой демократической республикой, Сейм, признавая при известных условиях принципиально допустимым решение вопроса в положительном смысле, поручает специальной комиссии всестороннюю его разработку в кратчайший срок и переходит к очередным делам» *).

Но это решение принципиальной допустимости при известных условиях провозглашения независимости было подготовительным шагом к акту его об'явления, но не означало еще самого акта провозглашения. Акт провозглашения отделения и независимости Закавказья от России состоялся только 9 апреля, после окончания трапезундской мирной конференции, когда наша делегация предала интересы страны и рабочей демократии, когда уже бразды правления, после падения кабинета Гегечкори, были вручены председателю этой же делегации отныне уже «знаменитому» А. Чхенкели.

В приветственной речи, произнесенной при открытии первого пленарного заседания конференции (1 марта) председателем турецк. делегации Рауф-беем, уже ясно обнаруживаются мысли правительства кровавого султана.

«Благодаря небо за ниспослание ему, Рауф-бею, случая (веделение мирных переговоров с закавк. дел. С. Т. А.), он, Рауф-бей, рассматривает этот драгоценный случай, как одну из самых приятных радостей в его жизни». «Приветствуя сегодня в вашем лице вашу страну, продолжает Рауф-бей, отнюдь не в силу лишь необходимости следовать требованиям церемониала и дипломатических традиций, я одушевлен скорее чувством почтения и желанием содействовать *в священном деле* **), представителями которого вы являетесь. Ввиду того, что все военные действия, ведшиеся нами в течение 200 лет против царизма, были войнами оборонительными для наших стран, я думаю, что наши общие судьбы связывались все более и более в течение этой общей славной истории. Последний пережитый вами период, который, к несчастью, помешал нам осязательно выполнить наш исторический долг в деле помощи вам—доказал рядом тяжелых испытаний всю важность этого единения наших судеб. Во всяком случае, я уверен, что все мы здесь считаем падение разделявшего нас препятствия явлением гораздо более важным, чем наиболее выдающийся дипломатический успех, ибо узы, связующие нас являются отношениями не только *историческими и географическими*, но скорее *родственными* связями, вытекающими из нашего общего прошлого. Впрочем, именно поэтому народы кавказский и турецкий состоят ныне

---

*) Стеногр. отчет засед. Сейма 22-го февраля. На этом заседании с.-д. ораторы и среди них особенно Н. Жордания горячо отстаивали необходимость сепарации Закавказья от России.

**) Курсив везде мой С. Т. Арк.

из одних и тех же религий **и наций и имеют почти одинаковую историю.** Одушевленный этими чувствами, я желаю счастливого исхода для наших совещаний» *).

Чхенкели в ответной своей речи «приносит **искреннюю** благодарность председателю мирной делегации Оттоманского правительства и выражает **особенную радость** по поводу заключительной фразы в приветственном слове председателя Рауф-бея. Пожелав успеха в предстоящей совместной работе, председатель делегации заявил, что в основу ее он кладет **искренность.** Закавказская делегация **с особым доверием** относится к этим словам... Если вам угодно было сказать, что вы считаете исключительным для себя моментом возможность приветствовать нас, разрешите нам еще более претендовать на это удовольствие, потому что Закавказская делегация впервые от имени полномочного органа—Сейма вступает на путь международных отношений. Именно потому, что мы вступаем впервые, нам не приходится останавливаться на дипломатии. Отсутствие всякой дипломатии, всякой загадочности—руководящий принцип революционных народов Закавказья»...

«Еще раз приветствуя вас, я кончаю тем же, чем и вы изволили кончить. Мы не только желаем успеха нашим занятиям, но даем **полную гарантию,** что со всей энергией будем стремиться к установлению искренних и дружеских отношений между народами Закавказья и Турции».

Такими искренними чувствами выражал «социалист» Чхенкели свое отношение к турецким феодалам. «Необходимо, говорил Чхенкели на заседании мирной делегции, **со всей искренностью и откровенностью** заявить **) от имени Закавказья о желании мира, желании, которому соответствует принцип закавказских народностей и демократии, представленных в Закавказском Сейме, подчеркнуть, что этот мир будет прочным и длительным» ***). Господа Чхенкели, считающие себя социалистами и представителями рабочей демократии, думали ли о том, с кем имеют они дело, с кем они обменивались искренними братскими чувствами? Это язык не социалиста, а буржуазных политических дельцов, не имеющих никакого отношения к интересам народных трудящихся масс.

Правда, язык дипломатических переговоров, которые в силу необходимости приходится вести социалистам, бывает и должен быть особого сорта, однако, социалисты не имеют никакого основания подражать языку и методам буржуазных дипломатов.

Чхенкели сознательно шел на братание с турко-германским империалистами в целях освобождения от «северной анархии». Он с той же целью вел политику дружбы и солидарности с реакционнейшим классом мусульманских феодалов-беков и ханов Кавказа и их политической партией «Муссават».

---

*) Протокол 1-го засед. мирн. конференции.

**) Т. е. заявить на 1-м заседании конференции. (С. Т. А.)

***) См. журнал заседания мирной делегации. Трапезунд. 28 февраля.

И заметьте, что сейчас же после того как обменивались председатели обеих делегаций любезностями, искренними, братскими чувствами, на том же заседании Рауф-бей делает—с целью запутать противника—ловко, хитро-обдуманное, исключающее возможность переговоров, предложение, которое не только не было отвергнуто нашей делегацией контр-предложением в силу данных ей Сеймом директив, но, наоборот, поддавшись коварной махинации турецких дипломатов, она решила ответить на него отнюдь не по наивности и еще более не по непониманию.

Заявление турецкой делегации, о котором было мимоходом упомянуто нами, было следующее:

«Делегация Императорского Оттоманского правительства имеет честь заявить, что ее правительство питает искреннее намерение установить добрососедские отношения с республикой, находящейся в процессе образования в Закавказьи.

Оттоманская делегация просит Закавказскую делегацию сделать ей точные декларации относительно сущности, формы, политической и административной организации означенной Республики и спрашивает, выполнила ли последняя условия, которые требуются международным правом для образования государства» *).

Какой же ответ на это дает Закавказская делегация? Содержание оглашенного ею на втором заседании конференции 2 марта (15 марта н. с.) письменного ответа мы приводим здесь, ввиду его исторического значения:

«Делегация Закавказского Сейма имеет честь в ответ на поставленный ей делегацией Оттоманского Правительства вопрос от 14 марта, сделать следующее заявление:

Вопрос о сущности, форме правления, политической и административной организации Закавказья поставлен на очередь единственно правомочным на его разрешение органом—Закавказским Сеймом, созданным свободным волеиз'явлением народов на основе всеобщего избирательного права.

С момента большевистского переворота (27 октября ст. ст. 1917 г.) на территории Закавказья прекратилось действие центральной Российской власти и возникло новое самостоятельное Правительство, ныне ответственное перед Сеймом. Это Правительство Закавказья вступило в сферу международных отношений, приняв предложение Оттоманского Правительства войти с ним в самостоятельные переговоры о заключении мира. Впоследствии Сейм и правительство Закавказья сделали дальнейший шаг в этом направлении, разослав телеграфный протест министрам иностранных дел воюющих держав против Брест-Литовского мира в части, касающейся Закавказья, и признав договор, заключенный без их ведома и одобрения лишенным всякого значения с точки зрения международного права и необязательным для себя. Настоящая мирная конференция в Трапезунде также является актом международно-правовой жизни. Таким образом, За-

*) Проток. 1-го плен. заседания конференции 14 марта (1 мар. ст. ст.).

кавказье de facto уже представляет из себя, Государство, хотя еще не декларировало и не сделало нотификации державам о своей независимости. Закавказская делегация с чувством большого удовлетворения отмечает искреннее намерение Оттоманского Правительства установить добрососедские отношения Турции с Закавказьем и выражает полную надежду на желательный исход конференции» *).

Как видно из этого замечательного по своей нелогичности и пустословию документа, Закавказская делегация всеми силами домогается выставить Закавказье, как независимое государство. Чхенкели и К° предстали перед турками от лица независимого государства.

Г-н Чхенкели в своем докладе о мирной конференции на заседании Сейма 9 апреля говорил:

«Когда мы приехали в Трапезунд и вошли в сношение с Оттоманской делегацией, первый вопрос, заданный нам был: «кто вы такие, какое вы государство из себя представляете, какова форма правления вашего государства», на этот вопрос мы дали ответ, но этот ответ был не совсем удовлетворителен» **).

Неправду говорил Чхенкели. Он уже имел в своем кармане решение об отделении и независимости Закавказья от России. В феврале месяце до поездки Закавказской делегации в Трапезунд и до решения Сеймом вопроса, на с.-д. конференции, созванной по этому вопросу, в помещении Тифл. Город. Думы, большинством голосов была вынесена резолюция о необходимости отделения Закавказья от России и провозглашения его независимости, чего грузинская социал-демократия добилась через несколько дней в законодательном порядке ***). Следовательно, Чхенкели и К° имели уже к поездке в Трапезунд решение с.-д. партии. Имея ввиду это решение и настроение большинства своих товарищей по партии и зная прекрасно, что партия, игравшая роль гегемона, проведет вопрос о независимости в Сейме, Чхенкели дает в этом же направлении ответ на поставленный турками вопрос.

Это фальшивое, ложное положение, в которое поставила себя Закавказская делегация, турецкие дипломаты прекрасно использовали и с начала до конца конференции вопрос о независимости для них оказался самым важным вопросом, посредством которого они сумели очень ловко, искусно и логично разбить и прижать к стене наших «дипломатов».

Не удовлетворившись об'яснениями Закавк. делегации.—Оттоманская делегация в 3-м заседании конференции представила новую декларацию, в коей подчеркивала, что Закавказье должно образоваться соответственно принципам международного права и принять меры к признанию со стороны других держав. При этом, однако, сообщалось, что

*) Протокол 2-го заседания мирной конференции 15 марта (2 марта ст. ст.).

**) Стеногр. отч засед Сейма 9 апрея.

***) Заседания Сейма 22 февраля и 9 апреля.

признание не может иметь обратной силы и что Закавказское правительство, заявив в телеграмме от 23-го января о необходимости согласовать свои действия с поведением и актами других составляющих территориальное единство Российской республики автономных правительств и воздержавшись от посылки своих представителей на Брестскую конференцию, тем самым сочло себя не независимым государством, а членом Российской федеративной республики. Оттоманское же правительство, «узнав, во время военных действий против России об образовании государства в Закавказьи и о намерении этого последнего, отделиться от России, выразило желание познакомиться с ним и вступить в добрососедские отношения. Однако, до настоящего времени, на Кавказском фронте стояла исключительно только Русская армия *).

Таким образом, на основании приведенных выше соображений, турецкая делегация отвергла заявление Закавк. делегации о недействительности Брест-Литовского договора в части, касающейся Кавказа. Одновременно, другой декларацией она пред'явила требование «определить и декларировать официально форму Закавказского правительства, границы территории, государственный язык и религию, а равным образом, точно определить положение и позицию названного правительства по отношению к Оттоманской империи» **).

«Мы зашли в такой тупик, из которого я не вижу выхода», говорил член делегации Ласхишвили на заседании 3 марта ***).

Закавказская делегация своим ответом на новое требование турок и дальнейшей своей позицией еще более углубила ту пропасть, которую она себе вырыла и из которой выйти с неразбитым и неокровавленным челом не было ей никакой возможности.

ГЛАВА V.

Об'ективное изучение документов, касающихся трапезундских переговоров, приводит исследователя к тому выводу, что почти весь состав делегации был негодным для той цели, для которой был делегирован. Мало сказать — негодность. Делегация сознательно или бессознательно стала на изменнический образ действий, с начала до конца она катилась в этом направлении, сдав врагу одну позицию за другой. Уступчивость и доверчивость ее по отношению к туркам была поразительна. «Искреннее и чистосердечное» отношение к ним особенно ярко проявлялось и у членов делегации, и у председателя ее А. Чхенкели. Только одно то обстоятельство, что враг счи-

---

*) См. доклад делегации Зак. Сейма по ведению переговоров о мире с Турцией и протокол 3-го заседания конференции.

**) Ibid.

***) См. Журнал. засед. Закавк. мирн. делегации.

тался для большинства членов делегации «искренним, откровенным другом», достаточно было для того, чтобы враг без всякой трудности мог вовлечь их в дипломатическую паутину.

Чтобы не быть голословным, я позволю себе указать на некоторые данные.

Когда в заседании закавказской мирной делегации 28 февраля (накануне открытия конференции) один из делегатов, касаясь вопроса о самоопределении народов, говорил, что, «выяснив лозунг самоопределения народов, делегация имеет возможность возражать против притязания Турции на Карс, Ардаган и Батум; говоря о самоопределении, мы в то же время признаем ненарушимость государственных границ, что народы Закавказья должны самоопределяться в пределах Закавказья, а не в пределах Турции», член делегации Гайдаров (мус. соц. блок) возражает: «Я не мыслю население Закавказья в неподвижных, застывших границах. Границы эти могут меняться в зависимости от многих условий, и поэтому, говоря о ненарушимости государственных границ, а также о самоопределении народов в пределах Закавказья, с логической необходимостью может последовать вопрос со стороны представителей турецкого правительства, почему члены мирной делегации от Закавказского Сейма не допускают, что у народов Закавказья может обнаружиться тенденция к самоопределению в пределах Турецкой империи, и такое заявление со стороны прдставителей Оттоманского правительства не может казаться лишенным реального смысла и содержания».

Делегат Ласхишвили (с.-ф.) справедливо замечает, что делег. должна указать, что «наблюдаемая перегруппировка военных сил и совершаемые военные действия есть нарушение перемирия. Мы должны узнать, когда будут прекращены военные операции» *).

Расул-Заде (муссаватист) признает, что нет необходимости ссылаться на нарушения условий перемирия. Представители турецкой мирной делегации также могут, ссылаясь на ряд обстоятельств, указать, что условия перемирия нарушаются и нами **).

*) Надо по справедливости сказать, что Ласхишвили вел себя, по нашему мнению, сравнительно с другими, более или менее прилично и добросовестно.

) Г-н Расул-заде открыто становится на защиту завоевательной политики турок. Он не мог не знать, что продвижение турецких войск продолжалось безостановочно в то время, когда велись мирные переговоры в Трапезунде, турками уже были взяты Ерзинджан, Байбурт, Мамахатун и Эрзерум. С нашей стороны не было ни одного примера нарушения условий перемирия, не было никакого наступления на Турцию после перемирия. Расул-Заде не мог не знать истинного положения фронта из доклада, сделанного председателем правительства на заседании Сейма 13 февраля. Командующий русской армией генерал Одишелидзе сообщил, что „сведния турецкого командования **чрезвычайно преувеличены, и что некоторые эксцессы, действительно имевшие место в Ерзинджанском и в Трапезундском районах, вызваны **исключительно** нападениями турецких четников и курдов“. (Курсив мой С. Т. А). Эти Расул-Заде, Мехтиевы, Хас-Мамедовы и др. как делегаты, так и

На том же заседании Зак. делегации делегат Гвазава (груз. нац.-дем.) предлагает необходимость присутствия представителей от немецкого правительства и считал бы нужным принять все меры к их привлечению к мирным переговорам.

Вешапели (груз. нац.-дем.), поддерживая Гвазава, предлагает осведомиться у Германии относительно переговоров.

«Что же касается вопроса о роли Германии в этих переговорах, — говорил Чхенкели в своей речи, — то тут совершенно правильно было указано (делегат Качазнуни. С. Т. А.), что мандата у нас на это нет. Но, конечно, прибавляет он, не исключена возможность в процессе этих переговоров повести разговор о Германии» *).

Делегат Хатисов касается вопроса о легализации независимости Кавказа, который является очень важным для обоих договаривающихся сторон **).

Делегат Мехтиев (из партии мусульман в России) заявляет, что «турки кровно заинтересованы скорейшим заключением мира, и мы должны заявить Сейму, что переговоры ни к чему не приведут, пока не будет об'явлена независимость. Председатель должен заявить туркам, что мы фактически самостоятельны и спросить, считают-ли турки необходимым для заключения мира условием декларирование независимости ***).

Чхенкели указывает на военные приготовления турок и на непрекращение состояния войны. Халил-бек-Хас-Мамедов (муссаватист) отвечает: «Когда турки перейдут границу, тогда и подумаем, об'явить-ли им войну, и если да — все ли части населения Закавказья об'явят войну или только некоторые?» ****).

Председатель делегации г. Чхенкели как в своих беседах с председателем Оттоманской делегации Рауф-беем, так и в других случаях, позволяет себе вести такие разговоры, делает такие шаги, которые ни в коем случае не могли быть допустимы.

Все время Рауф-бей водил за нос, дипломатически ловко обманывал, и наши «дипломаты» действительно были настолько слепы, что этого не замечали, или же показывали вид, что не замечают.

В первой же беседе председателей делегаций (27 февраля) на вопросы, заданные Рауф-беем о форме правления Кавказа, о положении председателя

советники, скорее явились выразителями, защитниками интересов феодальной Турции, чем интересов кавказских народов, так как они сами были представителями класса феодалов—беков и ханов. Для характеристики политической физиономии Расул-Заде достаточно упомянуть, что он в период первой русской революции 1905 г. был большевиком, принимал активное участие в персидской революции, а в конце уже стал ярым муссаватистом, лидером реакционнейшей татарской феодально-буржуазной партии „Муссават".

*) См. журнал Зак. мирной делегации 28 февраля ст.ст.

**) Ibid.

***) Журнал. засед. Зак. дел. 2 марта. ст.ст.

****) Журнал заседаний закавказской делегации 6 марта ст.ст.

Зак. правительства Гегечкори *), о характере власти и т. д., Чхенкели дает подробные сведения.

Рауф-бей продолжает свою рекогносцировку и анкету.

На втором заседании конференции он предлагает Чхенкели прочесть по пунктам декларацию Зак. делегации и раз'яснить прежде всего значение слов: «свободное волеиз'явление народов на основе всеобщего избирательного права при конструировании Сейма»; Чхенкели с недовольным видом спрашивает: «Считает-ли председатель Оттоманской делегации удобным ставить вопросы внутреннего характера при международных переговорах? Хотя, если находит возможным, то он готов дать раз'яснения». Рауф-бей уверяет, что делается это не с целью вмешательства, а ознакомления с новообразуемым правительством и принципами его конструкции. «Когда мы явились сюда,—возражает Чхенкели,—мы предполагали, что достаточно знаем друг друга. Но, если председатель Оттоманской делегации находит, что он недостаточно знаком с Закавказьем и его учреждениями, то я предлагаю прервать настоящее заседание, устроить частное совещание, и тогда я с удовольствием дам исчерпывающие раз'яснения» **).

И действительно Рауф-бей закрывает заседание и сейчас же после того в частной беседе с ним Чхенкели, извиняясь, что «он находил неудобным затрагивать вопрос в официальном заседании, но частным образом он готов», читает Рауф-бею целую лекцию о том, как происходило на Кавказе всеобщее избирательное право, как образовалось правительство, рассказывает историю образования Сейма и основания, на которых сконструировалось закавказское народное правительство, сформирование кабинета Гегечкори, об'ясняет условия, при которых фронт потерял свое представительство в Сейме и т. д., и т. д. ***).

«Так как мы мало знаем друг друга, — говорит Рауф-бей, — то должны познакомиться полнее, именно поэтому Вехиб-паша (командующий турецкой армией. С. Т. А.) послал генералу Одишелидзе (ком. русской армией. С. Т. А.) телеграмму с сообщением, что из Константинополя в Тифлис отправляется делегация для ознакомления с Закавказьем»; далее: «Хотя в нашей телеграмме идет речь об ознакомлении, но мы готовы пойти и дальше и признать независимость Закавказского правительства» ****).

Неудивительно, если после такого «любезного и ласкового» отношения, готовности Рауф-бея пойти дальше и признать независимость, Чхенкели и К°, одурманенные фикцией обещанных благ, пошли в свою

*) Рауф-бей сильно интересовался положением Гегечкори и часто заводил об этом разговоре, так как ему не безызвестно было его враждебное отношение к турко-муссаватской ореантации.

**) Протокол 2-го заседания конференции 2 марта.

***) Беседа председателей делегации 2 марта.

****) Ibid.

очередь, дальше по пути уступчивости во имя принципа «добрососедских отношений».

При первой встрече с Рауф-беем, имевшей место 27 февраля, г. Чхенкели сообщает ему о получении им из Тифлиса телеграммы, в которой сказано было, что Вехиб-паша пред'являет требование выполнить условия Брест-Литовского договора и эвакуировать Карс, Ардаган и Батум. «Известно-ли вам об этом, — спрашивает Чхенкели, — если да, то считаете-ли вы нужным продолжать переговоры о мире».

«Мы не в курсе этого дела, — отвечает Рауф-бей. — Прежде чем дать ответ, мы должны обдумать этот вопрос. Прошу формулировать письменно на французском языке». Чхенкели тут же исполняет требуемое.

Рауф-бей старается убедить, что они явились вести переговоры и заключить мир. Ответ на затрагиваемый вопрос Оттоманская делегация сообщит письменно. Они сделают вопрос предметом обсуждения.

«Мы запросим Вехиб-пашу, была-ли подобная телеграмма».

Не усомнившись в «искренности» заявления Рауф-бея, Чхенкели говорит:

«Если ваш частный ответ о желании вести переговоры о мире вы согласитесь признать официальным, то мы не будем ждать другого ответа *).

Таким образом, вместо того, чтобы ставить категорически прекращение военных действий согласно перемирию условием продолжения мирных переговоров, г. Чхенкели, принимая заявление Рауф-бея за чистую монету, удовлетворяется тем, что его частный, не прямой ответ на поставленный вопрос являлся официальным.

Проходят дни, неделя, только 6 марта опять в частной беседе с Рауф-беем Чхенкели спрашивает: «Почему нет еще ответа на телеграмму Гегечкори?», на что Рауф-бей отвечает: «У них сведений нет, но возможно, что ответ дан через ставку в Тифлис» **).

Г-на Чхенкели занимал не вопрос о прекращении военных операций, который являлся действительно conditio sine qua non для мирных переговоров, а что-то другое. «Я также дал им понять (т.-е. туркам, Рауф-бею и К°. С. Т. А.), докладывает Чхенкели в заседании зак. делегации, что если только мы установим основные соглашения, то Сейм об'явит свою независимость и после подпишет мир». «Это должно быть так»,—успокоительно отвечает Рауф-бей ***).

С самого же начала конференции все делалось по инициативе и под диктовкой турок. Закавказская делегация была у турок в плену. Турки делали все, что им было угодно. Турки составляли порядок дня, турки подвергали нашу делегацию тщательному экзамену. Наши же жалкие из жалких «дипломаты» автоматически двигались так, как их подталки-

*) Первая беседа председателей делегаций 27 февраля (12 марта н. ст.)
**) См. журнал заседания Зак. делегации 6 марта.
***) Ibid.

вали. Однако, что-то неладное чувствовалось инстинктивно, все же делалось «нашими» так, как это было желательно туркам. «Надо закончить в 3-м заседании конференции экзамен, который турецкая делегация устроила закавказской делегации в заседании 2 марта», предлагает делегат Хатисов *). Собрание так и постановило: «Просить Оттоманскую делегацию окончить процедуру ознакомления с устройством Закавказья в первом же заседании» **).

Декларация турок 3 марта (16 н. ст.) о которой была уже речь ***), вызвала некоторое замешательство в рядах «нашей» делегации. 4 и 6 марта обсуждается проект ответа на турецкую декларацию. Бесконечные нелепые дискуссии, болтовня, придирчивость к каждому слову характеризуют собрания делегации. Даже один из делегатов (Качазнуни), чувствуя эту ненормальность, замечает к порядку, что «работа Закавказской делегации принимает ненормальный характер ввиду бесконечных дискуссий вокруг каждой фразы ****).

В 4-м заседании конференции 7 марта (ст. ст.) оглашается выработанное комиссией делегации (в составе Чхенкели, Хатисова, Гаджинского и Гвазава) длинное заявление, которое я привожу с некоторыми сокращениями:

«Брест-Литовский договор формально не обязателен и по существу не приемлем для Закавказья.

На территории его центральная власть перестала функционировать с момента восстания *****) и вместо нее возникла самостоятельность Закавказского правительства. Этот факт признавался и Оттоманским правительством, которое 1 января (14 н. ст.) обратилось к Закавказскому правительству для установления мирных отношений, называя его **независимым**. Затем через две недели, 15-то того же месяца, Оттоманское правительство вновь обратилось к Закавказскому комиссариату с предложением отправить делегатов в Брест-Литовск, обещая, что делегаты срединных держав, собравшись в Брест-Литовск, готовы приложить все свои старания к признанию независимости Закавказского правительства. Что же касается телеграммы председателя Закавк. Комиссариата от 23 января, в которой говорится о необходимости согласовать свое поведение и свои действия с поведением и актами других автономных единиц Российской республики, то турецкая делегация упускает из вида ответную телеграмму Оттоманского правительства от 10 февраля, в которой сообщается им о своей готовности прислать своих делегатов «для окончательных мирных переговоров» и для подписания «окончательного мирного договора». Отсюда неоспоримо, что Оттоманское правительство признавало и после те-

*) См. журнал заседания Зак. делегации 2 марта.
**) Ibid.
***) См. 4-ой главу.
****) Журнал заседания Зав. делегации 6 марта.
*****) Подлинные слова делегации.

леграммы г-на Гегечкори Закавказское правительство независимым и единственно полномочным заключить мир.

Протест против условий Брест-Литовского мира в части, касающейся Закавказья, был телеграфно разослан еще до подписания договора.

Наконец, факт нахождения обоих делегаций в Трапезунде говорит за то, что обе стороны одинаково сознавали необходимость установления добрососедских отношений и одинаково не придавали значения Брест-Литовскому договору.

В виду изложенного вывод Оттоманской делегации о действительности Брест-Литовского договора в части, касающейся Закавказья, является юридически необоснованным и не вытекающим из хода переговоров, приведших обе делегации в Трапезунд».

Далее «центр тяжести переговоров лежит не в формально юридическом споре, а в существе, тем более, что при ратификации мирного договора **независимым Закавказским государством** (курсив мой. С. Т. Арк.), конечно, будут выполнены все формальности, требуемые международным правом.

Поэтому Закавказская делегация находит вполне своевременным и необходимым немедленно приступить к обсуждению тех конкретных предложений, которые, по мнению обоих делегаций, должны лечь в основу прочного мира между Оттоманским и Закавк. правительствами».

Затем в декларации сообщается: о форме правления Закавк. государства, которая вырабатывается Сеймом и есть основания думать, что будет установлена демократическая федеративная республика; о территории Закавк. государства, в которую входят губернии Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, Тифлисская, Кутаисская; области Батумская и Карсская; округа Сухумский и Закатальский. Вопрос о Дагестанской области и Черноморской губернии остается открытым впредь до делегирования их представителей в Закавк. Сейм.

«Официальным языком пока остается русский язык, но есть основание заявить, что вырабатываемой конституцией государственными языками будут признаны грузинский, армянский и тюркский.

В Закавказьи действует закон о свободе совести; конституция, несомненно, отделит церковь от государства и уничтожит пережитки господства православной церкви».

Такова аргументация, — крайне слабая, на которой построена вся эта декларация.

Возражать и аргументировать так нелепо, воевать с таким тупым оружием с подготовленным, вооруженным сильной аргументацией врагом означало проиграть дело, разоружиться и сдаться.

Так и случилось действительно.

ГЛАВА VI.

Все более выяснялось, что турки исходным пунктом мирных переговоров считают Брест-Литовский договор, и что не признать его невозможно. Это коренным образом противоречило решениям Закавказского Сейма. До пред'явления требования официально в окончательной, ультимативной форме признания Брест-Литовского договора, Рауф-бей в частной беседе с Чхенкели заявлял, что «они приехали установить основы добрососедских отношений и различных договоров, как консульских, торговых и др.» *).

Некоторые члены делегации приходят к тому убеждению, что им в Трапезунде больше делать нечего.

«Турки считают, что мир уже заключен, теперь хотят войти в определенные отношения,—говорил делегат Качазнуни;—одно из двух: следует или получить новые инструкции от Сейма, или же сделать перерыв и поехать в Тифлис **).

У некоторых из делегатов раздаются даже голоса о необходимости ехать в Константинополь для непосредственных переговоров с турецкими государственными деятелями.

Делегат Хатисов ничего не имел бы против поездки в Константинополь «для успешности переговоров и ускорения их». Он находит нужным «устроить совещание с турками, где надо будет затронуть вопросы о мировых политических возможностях. Предлагать им только четыре сухих пункта непростительно, нужно будет выяснить им и те выгоды, которые возможны от самостоятельности Закавказья.

«В Константинополь нам трудно поехать,—возражает делегат Гайдаров,—чтобы не было упрека со стороны Сейма, хотя и я не считаю это бесполезным».

Г-н Гаджинский полагал бы, что Акакий Иванович в частной беседе мог бы сделать некоторую рекогносцировку в область политических дискуссий.

«Я уже и без того больше, чем нужно, говорил с ним откровенно».—исповедывался Чхенкели.—«Я даже говорил, что они могли бы войти в соглашение или даже в союз с Закавказьем».

Ясно из всего этого умонастроение нашей делегации и ее председателя. Г-н Чхенкели «говорил с Рауф-беем больше, чем нужно откровенно». Добиваясь с помощью деспотической феодальной Турции всеми фибрами своей души «независимости Закавказья», он серьезно думает «вступить в соглашение или даже в союз с Турцией», по поводу чего, как сам сознается, сделал предложение Рауф-бею. Подобное действие нельзя счи-

*) Ibid.
**) См. журнал заседания закавк. дел. 6 марта (ст. ст.).
***) Ibid.
****) Т. е. с. Рауф-беем С. Т. Арк.
*****) Журнал заседания зак. делегации 6 марта

тать дипломатическим маневром, на что Чхенкели положительно не был способен, тем более его нельзя считать продуктом необдуманности или непонимания, а только внутреннего влечения Чхенкели, сознательного отношения его к данному вопросу. Для того, чтобы возможно было осуществить идею независимости Закавказья и вступления его в союз с Турцией, необходимо было прежде всего, чтобы Закавказье отпало от России, перестало бы быть «провинцией России». «Если бы декларация о независимости Закавказья состоялась к моменту мирных переговоров, это произвело бы хорошее впечатление на Турцию». «Сами турки очень заинтересованы в создании независимости Закавказья» *).

Об этом не раз говорил ему—Чхенкели—председатель Оттоманской делегации Рауф-бей. И не раз было г-ном Чхенкели поставлено Рауф-бею на вид, что «самое опасное в случае войны—это то, что она может существенно повлиять **на ориентацию Закавказья в смысле отрицания независимости, которая так желательна Турции».** (Курсив мой. С. Т. А.). «Об'ективно Турция заинтересована в независимости Закавказья. **Эта независимость Закавказья гарантирует Турции безопасность с севера».** (Курсив мой. С. Т. А.).

Чхенкели боится войны, как ребенок огня.

«Война грозит не только независимости, но и единству Закавказья». Необходимо единство прежде всего. Этого единства ждет Чхенкели от «об'ективно мыслящих мусульман, их интеллигентских кругов», иначе говоря—«от всех этих муссаватистских элементов—Хас-Мамедовых и др.», к которым и обращал он свою речь. Они, эти «об'ективно мыслящие мусульмане и их интеллигентские круги» должны признать, что в независимости Закавказья их народ может лучше развить свои силы, чем входя, как часть, в состав турецкого государства». В этом единстве, сплоченности их с такими же «об'ективно мыслящих интеллигентских кругов» других закавказских народов гарантия осуществления независимости и победы над врагами Закавказья. «В частности против большевиков внешних и внутренних, вызвавших последние события в Баку, следовало бы вести самую энергичную борьбу, ибо их цель—погубить Закавказье. Эта борьба также спаяла бы Закавказье» **).

Таков лейт-мотив политической линии поведения, таков ход мыслей грузинского социал-демократического лидера Чхенкели, министра иностранных дел Закавказья, облеченного Сеймом чрезвычайными полномочиями председателя мирной делегации ***).

---

*) Эти и дальнейшие выражения Чхенкели взяты из протоколов заседаний Закавказской мирной делегации.

**) См. журналы заседаний Закавк. делегации 19 и 23 марта.

***) Чхенкели, о котором приходится так много говорить, нас занимает постолько, поскольку он является ответственным лицом, представителем и выразителем политического течения, к которому примкнуло в 1918 году подавляюшее большинство грузинской социал-демократии. Речь не-

Отторжение Закавказья от России, гарантия безопасности Турции, и Закавказья с севера, вступление в соглашение или в союз с Турцией кровавых султанов, единение реакционных мусульманских муссаватских интеллигентских кругов, самая энергичная борьба против внешних и внутренних большевиков и т. д., и т. д. Все это было. ведь, написано на черном знамени кавказских политических мракобесов вроде Агаевых и Джафаровых, Вешапели, Гвазава и tutti quanti. При обсуждении в заседании Закавказской делегации 19 марта вопроса о территориальных уступках туркам, один из названных мракобесов г. Вешапели, отстаивая Батумский порт, говорил: «Что же касается Батумской крепости, срыть которую неприемлемо для Турции *), т. к. эта крепость может играть в будущем большую роль для задержки русского наступления с Черного моря, то вместо того, чтобы следовать предложению о передаче укреплений Батума в руки турок, лучшим исходом было бы ограничиться некоторым обеспечением Турции на случай войны с Россией».

«Какое обеспечение имеется в виду?»—спрашивает Гаджинский.

«Заключение особого соглашения между Турцией и Закавказьем на случай войны Турции с Россией»—отвечает Вешапели **).

Вот с каким «противником» имела дело турецкая делегация ***).

Предательски настроенный, хитроумный, податливый, Рауф-бею не трудно было овладеть им.

Разбирая по пунктам последнюю декларацию нашей делегации, турки дают в том же 4-м заседании конференции следующий основательный ответ:

1) «Закавказской делегации должно быть небезызвестно, что соглас но международному публичному праву, внутренние волнения в стране против правительства и возникшая гражданская война не могут иметь никакого действия, в особенности с точки зрения внешних отношений, на юридическое положение сказанного правительства до тех пор, пока волнения или гражданская война (иначе говоря, революция. С. Т. Арк.) не заставят его пасть и уступить место другой власти.

может итти о суб'ективном отношении к его личности, как могуть думать ограниченные люди, а только об его политической деятельности, радикально противоположной интересам рабочих, и ведшей страну к гибели.

*) Возражение, направленное по адресу Ганджинского, который говорил, что „от военного значения Батума мы можем отказаться путем-ли срытия крепости или особого соглашения с турками“.

**) Журнал заседания Закавкасской делегации 19 марта.

***) Правда, национал-демократ Вашепели не был делегатом, а „советником“ или „политическим секретарем“, следовательно не ответственным лицом, тем не менее он как и вроде него другие „советники“, своим пребыванием в Трапезунде и участием в заседаниях делегации не мог, во-первых, не повлиять на умы окружающих и, во-вторых, от него, как мы видели не так уж отличались ответственные члены делегации своим настроением и позицией.

Применяя этот принцип к внутренним изменениям, недавно имевшим место в России, получаем следующие результаты: внутреннее восстание, вспыхнувшее, когда царизм был в России у власти, низвергло царское правительство и заменило его правительством Львова—Керенского. После же падения этого последнего, последовавшего также вследствие революционного движения, руководимого т. Лениным, нынешнее правительство, в силу факта и по праву, заняло его место. Что же касается разгона Учредительного Собрания в условиях, известных всему миру, то в этом можно видеть лишь более или менее интересное событие, являющееся лишним доказательством могущества этого правительства.

Ввиду этого происходящее революционное движение не может иметь никакого влияния на внешние отношения, поскольку оно не приведет к победному концу, вследствие которого повстанцы захватили бы власть и поскольку какая-либо часть страны, совершенно отделившись от нее, не завершила процесса образования согласно правилам международного права и не добилась признания своей независимости со стороны других правительств. Исходя из этого, само собой разумеется, что без выполнения вышеуказанных условий, все акты и трактаты, заключенные нынешним правительством России, действительны с юридической точки зрения и обязательны для всех частей России.

2) Как и было уже ранее заявлено императорской Оттоманской делегацией, правительство его величества, ознакомившись до заключения мира с Россией, с образованием в Закавказьи особого государства, обратилось к последнему с предложением войти с ним в мирные отношения. Но это предложение не имеет юридической силы, поскольку начатые переговоры не заканчиваются и поскольку это правительство не признается официально императорским Оттоманским правительством.

3) Императорское Оттоманское правительство полагает, что заявление Закавказского правительства, считающего свою независимость признанной и основывающегося на указанном положении, каковое предложение является лишь абстрактным обещанием—неприемлемо, в виду того, что предложение четверного союза об участии в Брест-Литовской конференции, Закавказским правительством не было принято по тем или иным соображениям и в виду того, что независимость Закавказья не была признана договором, заключенным между центральными державами и Закавказским правительством, подобно договору, заключенному с Украиной.

4) Императорская Оттоманская делегация имеет честь заявить, что содержание телеграммы от 10 февраля, являющегося лишь абстрактным предложением, имело бы силу, как и другие, более ранние предложения, лишь в том случае, если бы было подтверждено формальным договором. Если бы вступление в переговоры имело само по себе значение формального признания, то в политических договорах, заключенных при образовании новых государств, вследствие отделения от старого государства, не поме-

щали бы статей, относящихся к признанию независимости этих новых государств.

5) Императорская Оттоманская делегация думает, что протест образуемого государственного организма, который не вошел еще в число государств, против обязательств договора, являющегося интернациональным актом, не может иметь никакой юридической силы, безразлично, будет-ли этот протест предшествующим подписанию договора или последующим.

Кроме того, необходимо отметить, что так как различные обязательства интернациональных актов имеют юридическое свойство образовывать одно нераздельное целое, то, следовательно, в Брест-Литовском договоре часть, касающаяся Кавказа, не могла бы быть отделена от остальных частей того же трактата.

6) Императорская Оттоманская делегация считает неприемлемым вывод, делаемый Закавказской делегацией в шестом положении ее декларации, так как вступление в настоящие переговоры не имеет иной цели, кроме подготовки основ для экономических и коммерческих сношений и определения их практических и технических деталей, оставшихся вне обязательств Брест-Литовского договора, и не означает ни в какой степени отрицания значения за этим договором.

Императорская Оттоманская делегация, основываясь на вышеизложенных соображениях, настаивает на том, что обязательства Брест-Литовского договора, вопреки мнения Закавказской делегации, вполне действительны и обязательны.

Императорская Оттоманская делегация выражает желание, чтобы Закавказье решилось об'явить независимость и форму правления прежде чем начатые переговоры примут окончательный характер и приведут к благоприятному результату, столь желаемому обоими сторонами» *).

По выслушании этого уничтожающего заявления, Чхенкели, очевидно, чувствуя себя неловко, просит перерыва заседания.

В рядах нашей делегации раздаются голоса о необходимости перерыва переговоров, о невозможности при создавшейся обстановке продолжения их в Трапезунде и о поездке в Тифлис.

В заседании Закавказской делегации, состоявшемся в тот же день после заседания кнференции (7 марта), делегат Качазнуни предлагает приостановить переговоры и по приезде в Тифлис наметить «наиболее подходящее место для переговоров» в виду того, что создалось ненормальное положение в Трапезунде, при котором немыслимо было, по его мнению продолжать переговоры **).

Мехтиев, Гаджинский, Хас-Мамедов высказываются против этого предложения.

---

*) См. протокол 4 го заседания конференции 7 марта ст. ст.

**) Осадное положение, в котором очутились делегации в Трапезунде, оторванность от Кавказа и Тифлиса, неизвестность того, что там происходило и т. д. С. Т. Арк.

Собрание постановило: 1) командировать часть делегации в Закавказский Сейм для доклада о положении вещей и для снабжения дальнейшими инструкциями и 2) Представить тезисы (8 марта к 1-му часу дня) и комментировать их устно на конференции, если к тому будет благоприятная обстановка.

И вот, после того, когда наша делегация, с первых же дней вступив в беспримерные дипломатические отношения с врагом, создала сама себе невыносимое положение, когда все было уже проиграно, благодаря своей же недипломатичности, нерешительности, податливости и изменнического образа действия, тогда только она решается (к концу конференции) предъявить врагу основные положения мира, данные ей Закавказским Сеймом.

В пятом заседании конференции 8-го марта (ст. ст.) Закавказская делегация, в ответ на вышеприведенную декларацию турок, заявляет:

«Закавказская делегация по вопросу о правомерности и обязательности Брест-Литовского договора остается на своей прежней точке зрения».

По вопросу о декларировании независимости, Чхенкели оглашает принятую Закавказским Сеймом 22 февраля резолюцию, которая была уже приведена нами.

Затем приводятся в заявлении, известные уже читателю, четыре тезиса Закавказского Сейма *), с примечанием к пункту 1-му такого рода: «Закавказская делегация считает нужным повторить свое заявление от 5 марта с. г. о том, что при ратификации мирного договора независимым Закавказским государством будут выполнены все формальности, требуемые междунардным правом. Закавказская делегация надеется, что совместное обсуждение этих положений приведет к скорейшему соглашению и заключению столь желанного обоими сторонами прочного мира» **).

Эта декларация Закавказской делегации, как бы она ни была неожиданна для турок, которые были обо всем заранее осведомлены как из газет, так и, надо полагать, от наших же слишком доверчивых и услужливых делегатов, вызвала возмущение и протест со стороны турецкой делегации.

«Мы выслушали декларацию Закавказской делегации,—грозно заявляет Рауф-бей,—и мы протестуем в полном смысле этого слова против пункта ***), который выражает намерение вмешиваться в наши внутренние дела. Мы признаем эту декларацию несовместимой с целью преследуемой делегацией, которая заключается в желании войти в добрососедские отношения с нами. Ввиду того, что положение до настоящего времени было достаточно выяснено предшествующими обсуждениями, мы принуждены довести до сведения нашего правительства и это последнее предложение и точку зрения Закавказской делегации относительно декла-

*) Ibid.

**) Протокол 5-го заседания конференции 8 марта.

***) 4-го пункта относительно самоопределения народов Восточной Анатолии в частности Армении.

рации, которую мы сейчас прочтем и ответа на которую мы ожидаем в кратчайший срок:

«Императорское Оттоманское правительство заключило мир с правительством Российской республики Брест-Литовским договором, действительным для всей территории России. Принимая во внимание, что кавказское правительство в то время еще не было формировано, и что в настоящее время форма его еще не определилась, хотя оно и поставило своей целью создание республиканской конфедерации с возможностью самоопределения для каждой нации, а равно, что это правительство не получило признания,—Оттоманская делегация считает, что положения упомянутого мирного договора не могли бы быть отклонены, ни опротестованы с его стороны. Оттоманская делегация, осведомившись ныне о преобразовании означенной республики в независимое государство, отмечает с удовольствием относящиеся к этому событию заявления кавказской делегации и готова войти с ней в переговоры для заключения договора дружбы. Это не нарушило бы взаимных обязательств Оттоманского императорского правительства и России, так как последняя признала за своими народностями право самоопределения. Однако, окончательное и официальное признание Кавказской республики может состояться лишь при помощи особого положения в договоре, который будет заключен, и переговоры по поводу последнего могут быть начаты лишь после отказа от каких бы то ни было претензий на Батумский, Ардаганский и Карский санджаки. Состояние войны не может быть перенесено на Кавказ, в виду того, что мир с Россией был заключен; но Брест-Литовский договор обязателен для образующегося государства. Этот договор предоставляет императорскому правительству приобретенное им право и Оттоманская делегация полагает, что кавказская делегация не имеет права делать каких либо возражений. Так как этот международный акт дает Оттоманской империи право и власть вмешиваться в установление нового порядка вещей в трех упомянутых санджаках, вместе с тем возлагая на Россию обязательство эвакуировать их и совершенно от них отказаться, то Оттоманская делегация заявляет, что ее правительство готово сделать все необходимое для того, чтобы между этой территорией и территорией Кавказа установились взаимные экономические льготы» *).

ГЛАВА VII.

Грозно-повелительная речь и ультимативное заявление председателя турецкой делегации Рауф-бея произвели такое действие на наших «дипломатов», что они, смело можно сказать, окончательно потеряли равновесие. Полный разлад, разноголосица, подозрительность в взаимных отношениях,

*) См. протокол 5-го заседания конференции от 8 марта ст. ст.

вот что мы видим теперь больше, чем когда бы то ни было. Мусульманско-муссаватские делегаты, игравшие все время роль Януса, продолжают свои «гражданские подвиги».

Создалось действительно такое трагическое положение, которое только может вызвать иной раз чувство жалости и сострадание, если только не помнить, что эти взрослые люди, «об'ективно мыслящие интеллигенты», главным образом, сами себе создали подобное положение.

Какие психологические моменты переживали, каково было положение, в которое попали наши делегаты, об этом в достаточной мере ярко свидетельствует заседание делегации, состоявшееся в тот же день после 5-го заседания конференции (8-го марта).

Это заседание настолько характерно, на нем были высказаны такие мысли и мнения, что обойти его молчанием невозможно. Я извиняюсь перед читателем, что мне приходится привести длинные цитаты из речей, но делается это исключительно с целью дать возможность яснее понять действующих лиц их же собственными словами.

Передавая смысл последней декларации турок, Чхенкели устанавливает, что турки определенно требуют отказа от 3-х санджаков, признания Брест-Литовского договора, что тезисы Сейма будут пересланы в Константинополь Оттоманскому правительству, вследствие чего переговоры останавливаются впредь до получения ответа из Константинополя.

Некоторые из делегатов настаивают на необходимости перерыва переговоров и возвращения в Тифлис, указывая на абсолютную невозможность продолжать переговоры в Трапезунде.

Другие, наоборот, высказываются против этого, предлагая, однако, делегировать некоторых из делегации в Тифлис для получения новых инструкций от Сейма.

Председатель Чхенкели также находит, что «вопрос должен быть разрешен в Тифлисе при участии делегации». Турки протестовали против тезисов, для них они неприемлемы. «Ведь, и тут сомневаются в справедливости некоторых пунктов нашего требования». Чхенкели горько жалуется на все и на всех. «Трагизм нашего положения заключается в том, говорит он, что Закавказье не успело еще сорганизоваться и **наша делегация не была настойчива в своих требованиях.** (Курсив мой. С. Т. А.). Мы явились сюда неподготовленными. Сам Сейм не был настолько об'единен, чтобы мы могли тут энергично защищать свою позицию».

«Как понять ваше заявление, что делегация была не слишком настойчива в своих требованиях», спрашивает делегат Мехтиев.

В длинной речи Чхенкели об'ясняет причины неуспеха переговоров, утверждая, что нет единства как в Закавказьи, так и в Сейме, даже у самих членов делегации есть сомнение относительно справедливости и правильности некоторых Сеймовских решений. Лично он, Чхенкели, не надеется и даже сомневается в возможности получения от Сейма новых

инструкций, на основании которых можно было бы делегации вести переговоры. «Может быть, действительно нет больше основания оставаться нам в Трапезунде. Я чувствую некоторую тревогу за положение вещей на Кавказе. С первого же дня нашего приезда в Трапезунд мы явились свидетелями лихорадочной военной подготовки и мы не можем спокойно оставаться тут, не опасаясь за судьбу Закавказья». Раньше у Чхенкели было другое настроение, а теперь у него оно совсем изменилось. «В начале я был оптимистически настроен, но теперь прихожу к тому выводу, что единственный выход из этого тупика—предоставление каждой народности Закавказья возможности самой выяснить свою позицию и положение в отношении стоящих перед нами вопросов. Я знаю, что на это уйдет слишком много времени, но, повторяю, в этом единственный выход. Обратите внимание, в то время, как один пункт наших требований устраивает одну национальность, в то же время задевает интересы другой, и, устраивая вторую, — не вяжется с интересами третьей и т. д. Войска уже стоят на границе. Это не секрет, и наше положение нельзя не считать серьезным. Я думаю, что завтра нужно было бы поговорить с председателем Оттоманской делегации **искренно, чистосердечно** (опять «искренно, чистосердечно» после полученных от турок ряда тяжких ударов... Какой низкопробный стиль!.. С. Т. А.), что делегация, не прекращая переговоров, намерена покинуть Трапезунд, так как находит его слишком не подходящим пунктом для переговоров» *).

Выслушайте теперь реплику делегата Ибрагим-бека Гайдарова, «социалиста из мусульманского социалистического блока»:

«Я видел и слышал в речи Акакия Ивановича новые ноты, ноты разочарования, ноты пессимизма. Но вы, Акакий Иванович, в данном случае никакого открытия не сделали. Уже поздно говорить и бояться быть смешным. Мы уже смешны после того, как приехали с пиратами **) на крейсере «Король Карл», но мы должны нести эту жертву, это нелепое положение, в которое мы попали, для того, чтобы достойно выполнить долг, возложенный на нас Сеймом. (Как бы не так! Достойно выполнить долг, когда делегация делала все в угоду врага. С. Т. А.). Что же касается того, что нет сплоченности, то в сердцах наших никто читать не может...»

Однако, интереснее всех Ал. Ив. Хатисов. Этот бравый джентльмен «очень колеблется». Лично он очень стоял бы, поднял бы даже обе руки за то, чтобы не прерывались переговоры, но для этого в Трапезунде нет

*) „Как ни садитесь, а в музыканты не годитесь". Едва-ли перемена места переговоров была бы в состоянии изменить настроение и позицию делегации.

**) Пиратами он называет свиту из 50 солдат, сопровождавших делегацию для охраны.

физических условий. «Ведь, в течение 9-ти дней ничего не знаю, что у меня дома делается. Ни я, ни мой предшественник Бисмарк (выражаясь дерзко) так никогда не поступали. Какие же я веду переговоры, когда я сижу, как кукла, которую поят кофе, которой толкуют о добрососедских отношениях и которая отрезана от всего мира. Когда Бисмарк вел переговоры, у него в другой комнате сидел главнокомандующий, который чуть что начинал действовать. За спиной у меня должно быть что нибудь. Я должен сказать, что у меня в державе, что у меня в стране, что делается кругом. Я считаю, что при таких условиях переговоры вести нельзя и необходимо выйти из этих адских условий... Сегодня, после их энергичного протеста, я миллиардный раз понял, что турецкий народ не государственный, раз он способен отбросить от себя целую нацию *). И ориентация восточных народов, которая рисовалась мне, как идеал моего народа, все это оказалось мифом. Завтра я хотел бы поговорить с ними на **человеческом языке** **). Мне делается страшно от лихорадочной деятельности кругом. А в то же время мы окунулись в международную схоластику, которой грош цена. Азбука же мирных переговоров заключается в том, что, как говорили римляне, «если хочешь мира, готовься к войне».

Видите-ли, как философски красиво говорит Хатисов, но эта философская красота представляет из себя ни что иное, как пустую фразеологию.

«Тут я вижу, замечает муссаватист Хасмамедов, указание на то, что нам надоело кофе и разговоры о добрососедских отношениях. Но мы в таком положении, что должны быть благодарны за ту чашку кофе, которую нам дают... Мы очутились в смешном положении уже тогда, когда мы выехали сюда. Виновны мы сами».

В этих курьезных прениях приняли участие также другие делегаты. В них можно найти все: признание в неспособности, неподготовленности, непастойчивости делегации в своих требованиях, разочарование, пессимизм, боязнь перед перспективой; указание на комическое положение, в которое попала делегация, отсутствие единства, необходимость изолированного действия каждой народности Закавказья для самозащиты и т. д. и т. д. Только самого главного и необходимого недостает: правильной, логической постановки вопроса о том, почему все это было так, а не так, как было желательно. Этот вопрос не частного характера, относящийся только к «нашей» трапезундской делегации, а общий вопрос, касающийся деятельности руководящих политических кругов нашей страны.

*) Всякому буржуа вообще кажется, что народ, нацию составляет преимущественно буржуазия. Таким же образом, класс турецких феодалов составляет турецкий народ, по мнению буржуа Хатисова.

**) Чхенкели собирался поговорить „искренно, чистосердечно". Хатисов же—„на человеческом языке".

После продолжительной болтовни собрание делегации (8 марта) решило подавляющим большинством голосов делегировать в Тифлис 3-х лиц по одному от партий «муссават», меньшевиков и дашнакцутюн—Ибрагим-бека Гайдарова от первой, М. Ласхишвили от второй и Р. Качазнули от третьей. Миссия этой тройки заключалась в ознакомлении Сейма и правительства с создавшимся положением вещей и получения от них новых инструкций.

Работы конференции временно были приостановлены с обоюдного соглашения.

В заседании делегации 9 марта Чхенкели старается убедить собрание, что кроме фактического материала, необходимо сообщить Сейму и правительству определенное мнение делегации. Но у последней не было общего мнения. «Положение нашей делегации в высшей степени щекотливое и курьезное, говорит Чхенкели. Первый случай, что делегация, помимо фактического материала, не может ничего сообщить своему правительству. Но раз делегация заявляет, что она своего мнения не имеет, то это тоже есть мнение, которое надо зафиксировать».

Таким образом, предложение Чхенкели, как и надо было ожидать, провалилось. Навязывать людям иметь то, чего они были лишены, это тоже надо зафиксировать.

Как мы увидим в дальнейшем более отчетливо, цель Чхенкели состояла не в том, чтобы, сообщив истинное положение вещей, предостеречь Сейм и правительство от надвигающейся опасности, а только воздействовать на Тифлис стать на ту же позицию, на которую стали с самого начала сам Чхенкели и его сотоварищи. 11 марта состоялось в Тифлисе, по случаю приезда делегации, соединенное совещание правительства, президиума Сейма и представителей фракций. По выслушании доклада делегации о ходе мирных переговоров и обмене мыслей по вопросу о том, каким путем «можно заставить турецкую делегацию сдвинуться с занятой ею позиции», на обсуждение собрания ставятся два вопроса: во-первых, об об'явлении независимости Закавказья и, во-вторых, об изменении сеймовых условий мира. По первому вопросу все фракции Сейма сошлись в положительном смысле за исключением «Муссавата», мусульманского социалистического блока и партии мусульман в России, которые высказались против немедленного об'явления независимости, полагая, что это должно быть, как особый пункт, в условиях будущего договора. Только после заявления А. Церетели о том, что «при об'явлении независимости придется определить границы территории Закавказского государства и раз в эти границы будут включены три области, служащие предметом спора, ни Турция, ни другие союзные державы не признают нашей независимости и будут рассматривать наше предложение, как ультиматум», собрание нашло приведенный довод Церетели основательным и высказалось за отложение на некоторое время об'явления независимости.

По второму вопросу возникли прения о максимуме и минимуме уступок, которые могли быть сделаны Турции. Но совещанием единогласно было принято предложение фракции меньшевиков, сделанное А. Церетели, что нецелесообразно на большом собрании ставить на разрешение вопрос об уступках, и что будет целесообразнее предоставить председателю нашей делегации министру иностранных дел, **лицу, пользующемуся доверием всей Закавказской демократии** (курсив мой. С. Т. А.) делать в этом отношении самостоятельные шаги, делать те или иные незначительные уступки за свою ответственность, а в более важных случаях запрашивать правительство и Сейм. В этом смысле была принята резолюция, которая должна была быть утверждена Сеймом.

В заседании Сейма 13 марта, после доклада председателя правительства Гегечкори о мирных переговорах и большой речи министра Рамишвили с подробной мотивировкой предлагаемой резолюции, последняя без прений была единогласно принята Сеймом.

Резолюция эта гласит: «Стоя на почве своего решения от 16 февраля 1918 года по вопросу об условиях мира с Турцией, но желая достичь почетного мира, приемлемого для Закавказья и Турции, Сейм постановляет: облечь председателя мирной делегации министра иностранных дел Закавказья А. И. Чхенкели чрезвычайными полномочиями самостоятельно делать в этом направлении необходимые шаги» *).

Важно здесь же отметить одно место из речи министра Н. Рамишвили: «Если турецкая империя заинтересована в создании буфера-государства, которое явилось бы **самым лучшим защитником ее северных границ** (курсив мой. С. Т. А.), если она не заинтересована в том, чтобы представители Закавказской демократии принуждены были искать союзников в антитурецкой коалиции, Турция должна и не может не пойти навстречу нам» и т. д. Ясно из этого, как светлый день, что Н. Рамишвили, эта отнюдь не из мелких сошек грузинской социал-демократии, вполне солидаризуясь с Чхенкели, становится на реакционную политическую позицию последнего. Примкнув бесповоротно к чхенкелистскому политическому течению, он оказался самым ярым сторонником его.

Что же касается вопроса о предоставлении Чхенкели чрезвычайных полномочий, то я должен сказать, что допущена была Сеймом, правительством и представителями партий не только крупная, непростительная ошибка, но и крайне опасный и рискованный шаг облечь человека подобными полномочиями в то время, когда уже была хорошо известна его полная неспособность и негодность для дальнейшего ведения мирных переговоров. На это уже не раз было указано в нашем изложении. Наши политические руководители и сеймовцы не могли в это время не знать по ходу мирных переговоров и образу действия делегации и в особенности ее

*) См. стенографический отчет заседания Сейма 13 марта.

председателя, что главными действующими лицами трапезундской «комедии» *) являлись именно делегированные ими же комики. Они же своей трагикомической ролью, всем своим поведением предоставили врагу превратить мирные переговоры в комедию. А после того, когда Чхенкели был уже облечен чрезвычайными полномочиями, дело было уже доведено до своего логического конца.

«Лицо, пользующееся доверием всей Закавказской демократии» **), как это теперь всем известно, погубило дело, предало врагу интересы Закавказья и его народов.

16 марта в заседании Закавказской мирной делегации был выслушан доклад делегированной в Тифлис тройки, после чего председатель делегации Чхенкели ставит вопрос о границах своих полномочий. Выяснилось, что единственным ответственным уполномоченным Сейма и правительства надлежит считать председателя Чхенкели, а остальных членов делегации—советниками при нем. Однако, собранием делегации было принято к сведению заявление Чхенкели о том, что «официальные шаги, подлежащие обсуждению конференции, делаются после предварительного обсуждения на общем заседании членов Закавказской делегации». Но это было только пустое, лишенное всякого серьезного значения, заявление, сделанное только для успокоения членов делегации, очутившихся в роли простых пешек. Облеченный чрезвычайными полномочиями, Чхенкели позволял себе делать самолично то, что ему было угодно, вопреки даже мнению большинства делегации.

ГЛАВА VIII.

Председатель делегации г. Чхенкели в заседании 17 марта докладывает о том, что в частной беседе он уже информировал Рауф-бея о новом составе Закавк. правительства, о новых чрезвычайных полномочиях, которыми он был облечен и, главное, еще о том, что «дальнейшие переговоры могут вестись на почве уступок, в частности, территориальных». Рауф-бей же с своей стороны настаивает на необходимости получения от Закавказской делегации скорейшего ответа на их ультимативную декларацию.

Несмотря на настойчивые требования турок безоговорочного признания Брест-литовского договора, Чхенкели, совершенно упуская это из виду, выдвигает другие вопросы, как вопрос о заинтересованности Турции в независимости Закавказья, как обеспеченного вполне во всех

*) Квалификация Гегечкори в произнесенной им речи на заседании Сейма 31 марта.

**) Подлинное выражение никого другого, как Ираклия Георгиевича Церетели.

отношениях государства, вопрос об урегулировании национальных вопросов общих Турции и Закавказью и т. д.

На это Рауф-бей отвечает, что Турция реально заинтересована в независимости Закавк. государства и это лучшая гарантия для него, но это при условии восстановления границ 1877 года. Вопрос о самоопределении Армении должен быть снят, ибо Турция не допускает его обсуждения при переговорах с Закавказской делегацией. Рауф-бей еще раз повторяет, что они ждут ответа на их требование после чего только возможно будет назначить заседание конференции.

Ввиду этого, собрание делегатов, обсудив мирные условия Сейма, нашло, что они должны быть изменены, «формула, данная Сеймом, должна быть заменена новой». В заседаниях 18, 19, 21 и 23 марта делегация занимается, главным образом, вопросом об изменении основных положений Сейма. Несчастный вопрос о турецкой Армении совершенно был снят, несмотря на то, что в полномочиях Чхенкели было выражение: «стоя на почве положений Сейма», 4-ый пункт был радикально изменен в смысле возвращения и устроения турецко-подданных армян и беженцев других национальностей. Во избежание конфликта и для установления «длительного, прочного мира и добрососедских отношений» с Турцией, делегация и ее председатель находят возможным изменить 3-й пункт в смысле крайних территориальных уступок туркам. Причем устанавливается градация—первая, вторая и т. д. очередь уступок.

Часть делегатов во главе с Хасмамедовым стоит за максимум уступок, за исключением порта Батума, представляющего в экономическом отношении важное значение *).

Делегаты мусульмане, не скрывая, определенно говорили: «смотрите, если вы не удовлетворите требований турок то война неизбежна, мы в этой войне с турками участвовать не можем». «Если армянский и грузинский народы чуствуют за собою силу и возможность, говорит Хасмамедов, то пусть начинают войну за свой риск и ответственность, мусульмане не будут участвовать в этой войне» **).

Даже с.-д. гумметист Шейх-уль-Исламов того мнения, что «в случае войны с Турцией, физически мусульмане, действительно, будут нейтральны».

«Нам определенно заявляют, замечает Хатисов, что защищать наши требования силой оружия мусульмане не будут, и что лучший исход в данный момент они (делегаты мусульмане С.Т.А.) видят в уступке всех спорных областей Оттоманскому правительству».

*) В вопросе о сохранении порта Батума явно обнаруживается классовый инстинкт защиты экономических интересов бакинской мусульманской буржуазии, представителями которой являются Хасмамедов и др. Интересы бакинской нефти преимущественно диктовали им стать на защиту Батумской гавани.

**) Журнал засед. дел. 19 марта.

Теперь отношение мусульман-делегатов к вопросу о независимости Закавказья не то, что было раньше. Как это, так и тяготение их к феодальной Турции особенно ярко выражено в следующих словах Бунятяна (советник при делегации): «Из слов депутатов мусульман вытекает, что жизнь в пределах русской государственности их не устраивает; но теперь они высказывают также сомнения в возможности независимого существования и против немедленного об'явления независимости. Но тогда логически остается третья возможность—подчинение Закавказья турецкому владычеству,—положение совершенно неприемлемое, во всяком случае, для многих народов Закавказья и, надо думать, для большинства мусульман».

Чхенкели находит, что заседание делегации 19 марта, на котором происходили небывалые до того дебаты и разногласия по вопросу о территориальных уступках туркам, «может быть названо историческим». «Здесь, в Трапезунде, в этом зале, решается судьба Закавказья». Его речь, произнесенная в том же заседании, также может быть действительно названа «исторической», не лишенной интереса, но полная противоречиями. Запротоколировано ли верно или нет? Может быть, да, а, может быть, и нет. Мы уже достаточно характеризовали политическую позицию и «дипломатическое искусство» Чхенкели, чтобы лишний раз утруждать внимание читателя цитатами из его «исторических» речей.

В следующем заседании делегации 21 марта председатель Чхенкели ставит на обсуждение составленный им следующий проект территориальных уступок: 1) Весь Ольтинский округ. 2) Больше половины Ардаганского округа. 3) Карсский округ по линии ниже Бегли-Ахмет. 4) Кагызманский округ без города Кагызмана и его северной части.

Этот проект вызывает серьезное возражение со стороны делегатов дашнакцаканов—Качазнуни и Хатисова.

«Этим проектом совершается крупная ошибка с точки зрения демократии, если не сказать больше, говорит Качазнуни. Население Карсского и Кагызманского округов, состоящее на две трети из армян, русских и греков, заведомо не захочет турецкого подданства».

«Вводя в первую очередь уступок Карсский и Кагызманский округи наряду с Ольтинским округом и незначительной частью Ардаганского, не уступая в то же время ни пяди земли из Батумской области *), резко нарушается принцип этнографического населения».

*) Как же может Чхенкели уступить из Батумской области, все части которой входят в «родную землю» Чхенкели, как например, Аджария и др., не держащиеся Чхенкелистской ориентации. „Хотя никто не будет оспаривать, говорил Чхенкели в засед. делегации 19 марта, что аджарцы грузины, но, в силу темноты и отсталости, в силу пережитых ужасов войны, может быть у них тенденций к турецкой ориентации, но я как демократ должен их спасти от этой ориентации".

По мнению Качазнуни в первую очередь должны отойти Турции те земли, население которых по своему составу и политической ориентации, всего легче и безболезненно может отколоться от Закавказья, как, например, Артвинский, Ольтинский и Ардаганский округи без Посоховского участка, а Карсского и Кагызманского коснуться лишь во вторую очередь».

Чхенкели остается при своем мнении, горячо отстаивая свой проект. «Батумская область в первую серию не входит по некоторым соображениям»... «И самое главное то, что, во-первых, «он, Чхенкели исходит из общих соображений, а во-вторых, то, что сегодняшний ход допускает возможность дальнейших уступок» *).

Чхенкели высказывает поразительную настойчивость в вопросе о немедленном об'явлении независимости Закавказья, отторжения его от России. Это больной вопрос для него, все остальное ничто в сравнении с этим. В одном сообщении председателю закавк. правительства Гегечкори через радио он жалуется, что Закавказье еще не об'являет себя независимым, несмотря на его настояния. Оно должно это делать, «наше признание независимости превратилось в козырь Турции». Он по этому же поводу бросает в лицо упрек делегации за то, что «вообще при решении политических проблем требуется большая твердость и решимость, чем то, которое обнаруживается у нас». Этот упрек больше всего и прежде всего должен быть отнесен ни к кому другому, как к самому Чхенкели. Именно он этой твердости и решимости был лишен во всем, кроме только в решении вопроса об акте отторжения Закавказья от России. Чхенкели вновь ставит этот вопрос на обсуждение в заседании делегации 23 марта в связи с поездкой в Тифлис одного из делегатов (Шейх-уль-Исламова). «На закавказской территории начались уже военные действия. Если Закавказье не об'явит своей независимости, Турция может рассматривать его как русскую провинцию, не повинующуюся условиям мирного договора, (т. е. Брест-Литовского. С. Т. А.), а не как воюющую сторону» **). Поэтому Чхенкели всеми силами добивается получить общее мнение делегации по этому вопросу для сообщения его закавк. правительству и возможного воздействия на него ускорить акт об'явления независимости. Но у делегации, как было выше указано, обнаруживалось теперь индифферентное, если не сказать отрицательное, отношение к этому вопросу.

«Нет основания для нового обсуждения вопроса. Мирные переговоры ведутся турками и без предварительного об'явления закавказской независимости», говорит Качазнуни.

---

*) Журнал засед. делегации 23 марта.

**) Ibid.

Интересно заявление Гаджинского: «Не будучи в точности осведомлены о настоящем положении Закавказья, в особенности в связи с событиями в Баку,—судить об условиях и о самой возможности независимости и даже о единстве Закавказья, трудно».

«Правда, последняя турецкая декларация не настаивает, говорит Чхенкели, но это говорит именно не в нашу пользу».

«Раз у делегации нет общего мнения по такому вопросу, как независимость Закавказья,—то приходится его снова снять с обсуждения» *).

Таким образом, попытки Чхенкели навязывать еще раз делегатам то, что больно ему хотелось, не увенчались успехом.

В высшей степени характерно, что поставленный на обсуждение в том же собрании делегации (23 марта) вопрос о приостановлении военных действий турок в связи с ведением мирных переговоров, по постановлению собрания, снимается с обсуждения в делегации, предоставив его постановку правительству. И в этом же смысле сообщается через радио председателю правительства Гегечкори, что «только правительство компетентно потребовать от турецкого правительства приостановления военных действий».

Вышеприведенный Чхенкелевский проект территориальных уступок туркам, не одобренный большинством делегации, был представлен турецкой делегации в шестом и последнем заседании конференции 23 марта.

В этом последнем пространном заявлении Закавк. делегация, повторяя все раньше сказанное ею о необязательности для Закавказья Брест-Литовского договора, приводит новые доводы и соображения, на основании которых она предлагает «перенести центр тяжести переговоров с плоскости формального спора в плоскость обсуждения конкретных условий мира».

«С своей стороны. Закавк. делегация, основываясь на новых полномочиях, данных ей сеймом, находит возможным сделать изменение в третьем пункте основных начал, изложенных в декларации 20 марта (7-го ст. ст.) с. г. Изменения эти, однако, должны исходить из верно понятых интересов как Оттоманского, так и Закавказского государства. Оттоманское государство, несомненно, заинтересовано в существовании и нормальном развитии независимого Закавказского государства. Между тем нарушение территориальной цельности и экономического единства Закавказья ослабит узы, связывающие его народы и тем самым сделает вновь созданное государство неспособным оградить свою независимость и свободу от всяких посягательств извне».

Далее приводится в заявлении длинный перечень новых горных и

*) Ibid.

водных границ Закавказья и Турции. По установлении этих границ, к Турции отходят весь Ольтинский округ, южная часть Ардаганского, юго-западная часть Карсского и Западная—Кагызманского округов.

«Обращаясь к протесту Оттоманск. делегации в отношении пункта 4-го, закавк. делегация считает нужным заявить, что она отнюдь не имела намерения вмешаться во внутренние дела Оттоманского государства, но руководствовалась другими соображениями». Эти соображения приводятся в заявлении.

«Но, ввиду того, что Оттоманская делегация полагает, что постановка вопроса о самоопределении народов в Восточной Анатолии и, в частности, Турецкой Армении в том его виде, в каком сделал это Закавказский Сейм, имеет характер вмешательства во внутренние дела Оттоманского государства, Закавказская делегация готова войти в соглашение с оттоманск. делегацией для совместной выработки такой формы постановки вопроса, которую Оттоманская делегация сочтет приемлемой для себя и которая вместе с тем даст возможность Закавказской делегации, в ходе переговоров поставить на обсуждение и разрешение вопроса о возвращении и устроении турецко-подданных армян, а также беженцев из других народностей, снятых событиями войны с родных мест и о гарантиях, обеспечивающих их дальнейшую судьбу» *).

Такова окончательная формула уступок, представленная Закавк. делегацией туркам в последнем заседании конференции.

Председатель конференции Рауф-бей заявляет, что, «ввиду того, что эта декларация затрагивает основные вопросы, он вынужден довести об этом до сведения оттоманского правительства». Затем спрашивает: «является-ли эта декларация окончательным предложением Закавк. делегации или нет». Чхенкели прямого ответа не дает. Рауф-бей повторяет вопрос, Чхенкели отвечает, что «он не находит возможным ответить на этот вопрос».

После этого Чхенкели и Рауф-бей обмениваются еще раз комплиментами. «Будем надеяться, что высокие чувства обоих сторон доведут наши переговоры до взаимного желаемого благополучного конца», заканчивает свое слово Рауф-бей в момент закрытия конференции.

На следующий же день 24 марта, в 7 час. вечера. Чхенкели получает следующее письмо турецкой делегации от 6 апреля (24-го марта ст. стиля).

«Г. председатель. Оттоманское императорское правительство настаивает на изложенном в декларации от 21 марта (8-го ст. ст. С. Т. А.) 1918 года и просит уважаемую Закавказскую делегацию дать ему ее окончательный ответ в течение 48 часов. Примите и т. д. Предс. оттом. делегации Рауф-бей». Как видите, в один день Рауф-бей успел довести

*) См. протокол 6-го зас. мирн. конференции.

до сведения правительства и получить от него ответ на затрагиваемые Закавк. делегацией «основные вопросы»; так понимали турки исполнение своих «высоких чувств», так решительно скоропалительно действовали они, наши же «представители дипломатии Закавказской демократии» топтались на одном месте.

ГЛАВА IX.

В течение 48 часов с момента получения турецкого ультиматума наша делегация должна была ответить: признает-ли Брест-Литовский договор или нет? В тот же день, 24 марта, состоялось заседание делегации для обсуждения вопроса об ультиматуме. Председатель делегации Чхенкели и на этот раз настаивал на том, чтобы делегация высказалась и установила свое общее мнение по данному вопросу для сообщения правительству и Сейму. Делегаты Ласхишвили, Хатисов и др. находят, что положительный или отрицательный ответ на последний ультиматум турок может дать только правительство и Сейм.

Читателю уже известно мнение делегатов-мусульман относительно Брест-Литовского договора. Для муссаватистов Гаджинского, Хас-Мамедова и др. он был приемлем в смысле турецком, т. е. в смысле присоединения трех областей к Турции. Из них только Шейх-уль-Исламов и Пепинов высказывались за признание пункта 4-го Брестского договора, касающегося Закавказья в том смысле, как он на самом деле был принят Брест-Литовской русской делегацией.

Этот параграф 4-й в подлинном официальном договоре гласит: «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшую очистку Восточно-Анатолийских провинций и их закономерное возвращение Турции. Округа Ардаган, Карс и Батум должны быть также немедленно очищены от русских войск. Россия не будет вмешиваться в государственные, международно-правовые отношения этих областей, а предоставит населению этих областей установить новый порядок в согласии с соседними государствами, в частности с Турцией».

Делегат Качазнуни, энергично высказывавшийся еще 2—3 дня тому назад против признания Брестского договора, решительно становится теперь за необходимость признания этого договора, считая его «при создавшихся условиях наименьшим злом». Хатисов пока что в состоянии колебания, хотя показывает вид, что твердо стоит против его признания.

Хатисов рассказывал, что в частном разговоре с секретарем Оттоманской делегации на его вопрос о самоопределении, он получил от него такого рода ответ, что «под понятием самоопределения они (т. е. турки) понимают право населения на распределение территорий по вилайетам и санд-

жакам» *). Из этого ясно, каково было отношение турок к вопросу о само-определении населения спорных областей.

25 марта председатель делегации Чхенкели сообщает подробно в Тифлис правительству по радиотелеграмме об ультимативном письме Оттоманской делегации, как и о максимумах, уступаемых туркам в первую и вторую очереди территорий. «Я уверен, прибавляет он, что турки не уступят и Батума. Вехиб-паша определенно сказал это, но разница та, что он торгуются по крайней мере на счет него. Карс удержать дипломатическим путем нет абсолютно никакой возможности; турки просто не хотят о нем говорить... Турки очень серьезно взялись за дело ведения войны и т. д...»

26 марта в Тифлисе состоялось соединенное заседание правительства, президиума и представителей фракций Сейма по случаю ультиматума Оттоманской делегации. «Все фракции согласились, сообщает Гегечкори того же числа Чхенкели, на предложенный вами максимум уступок. Партия дашнакцутюн настаивает на оставлении и Карса в пределах Закавказья с отнесением его к восточной полосе Карской области с армянским населением».

После этого отношения закавказских властей к вопросу об уступках и их согласия на предложенный Чхенкели план, у трапезундской делегации обнаруживается уже категорическая решимость к признанию Брест-Литовского договора. Дашнакцаканские делегаты говорят теперь уже тем языком, каким говорили постоянно делегаты муссаватские, хотя побудительные причины в данном случае у тех и других были различны. Председатель Чхенкели, повидимому, пока «твердо» стоит на своем плане.

Хатисов замечает: «Раз наше правительство идет на уступки, которые хуже предлагаемых Брест-Литовским договором и отдают спорные области безвозвратно, остается одно—признать этот договор». На этом же основании дашнакцаканы считают теперь Брестский договор наименьшим злом. У Хатисова даже появляется теперь надежда на самоопределение отторгаемых от Закавказья областей, за иллюзорность которой он еще вчера нападал на своего товарища по партии—Качазнуни.

Муссаватисты торжествуют; они радостно приветствуют ставших теперь на их позицию дашнаков. При этом знаменательно заявление Хас Мамедова: «Продвижение турецких войск и занятие ими спорных областей следует рассматривать не как завоевание, а как восстановление правопорядка. Россия исполнила свои обязанности и немедленно очистила эти области от своих войск. Теперь Турция рассматривает действующие там национальные части, как четников, очищает эти области от них, как от четнических банд». Гаджинский же дипломатически спрашивает Чхенкели достаточны-ли его полномочия для самостоятельного признания Брест-Ли

---

*) Прошу читателя иметь в виду, что цитаты делаются из протоколов соответствующих заседаний, о которых идет речь.

товского договора. «Я в этом сомневаюсь, отвечает Чхенкели. Сейм высказался за определенный максимум и отступать от этого максимума было бы затруднительно. Я за то, чтобы исчерпать все средства и оставить Брест на худший случай».

Отныне расположение почти всей делегации к признанию Брест-Литовского договора становится неоспоримым фактом.

Пока наши «дипломаты» вели между собой на собраниях бесплодную полемику, враг все продолжал действовать оружием. С первых же дней мирных переговоров он не переставал вести в этом направлении начатую им уже раньше лихорадочную деятельность. В этом отношении не предпринималось никаких решительных шагов со стороны нашей делегации и ее председателя.

Правда, по этому поводу Чхенкели обратился к Рауф-бею с письмом от 18 марта, в котором он заявляет, что турецкие войска заняли Ольты, Звак, Меджлинкерт и появились также в других частях нашей территории и поэтому просит сообщить, «в каком смысле надо понять полученные им эти сведения». Это все, что известно. Какой ответ на это получил Чхенкели, какие последствия имели его «неофициальные» шаги, это нам неизвестно. Известно только то, что враг безостановочно двигал вперед свои военные силы. И наша делегация и ее председатель, повторяю, ни разу не пред'являли туркам категорического требования приостановить военные действия. Наоборот, они являлись только орудием врага. Недостатка фактов в этом смысле нет. Укажем здесь хоть на один—два из них. 17 марта Чхенкели посылает в Тифлис председателю правительства Гегечкори следующую телеграмму: «По просьбе Рауф-бея обращаю внимание правительства на события Эриванской губернии, которые влияют на переговоры, следовательно, нужно их ликвидировать». Видите-ли, события Эриванской губернии влияли на переговоры и Рауф-бей требует их ликвидировать, между тем серьезные события на фронтах, военные действия и наступления турок не могли настолько повлиять на переговоры, чтобы наши «дипломаты» хотя бы раз решились на попытку требовать их «ликвидации».

22 марта турецкие войска перешли границу на приморском направлении, открыли военные действия без всяких предупреждений против нашего отряда у Лимана. Комендант Батумской крепости генерал Мдивани, телеграфируя об этом в Трапезунд Чхенкели, «протестует против такого нарушения, в то время, как мирная делегация продолжает работу». Что же на это сообщает в Батум коменданту крепости посредник турецких пашей Чхенкели. «Вехиб-паша частным образом *) сообщил, что в районе Хопы два наших аэроплана бросили по три бомбы, чем и вызван переход турками нашей границы. Если это верно, то вам следует сейчас же прислать Вехиб-паше телеграмму с извинением и просить его приостановить движение ту-

*) Все у Чхенкели делается „неофициально" и „частным образом".

рок вперед, пока происходят переговоры. Прошу меня не упоминать, ибо это не дело мирной делегации». Чхенкели сознает, что это не дело мирной делегации, однако, исполняя роль посредника для врага, позволяет себе шаг, недопустимый не только для официального, столь ответственного лица, каковым являлся он, но и для мало-мальски приличного гражданина.

Оказалось-ли верным то, что сообщалось Вехиб-пашой **частным образом** Чхенкели, и что, как полагается в подобных случаях, должно было быть сообщено правительству **официально,** послал-ли комендант крепости Мдивани Вехиб-паше извинение, мы никакого следа об этом в делах не находим.

27 марта председатель правительства Гегечкори по радио сообщает Чхенкели: «Турецкие войска вторглись в пределы Закавказья. Ведение мирных переговоров при подобных действиях, создавая двойственное положение, является совершенно недопустимым и парализующим в полной мере значение мирных переговоров. Прошу в качестве министра иностранных дел сделать заявление турецкому правительству и мирной делегации, что дальнейшее продвижение турецких войск должно быть немедленно приостановлено, в противном случае настанет момент, когда мы будем вынуждены считать, что мирные переговоры не удались и довести об этом до сведения населения Закавказья».

Чхенкели отвечает: «Мною были предприняты до вашей телеграммы **неофициальные шаги** (курсив мой. С. Т. А.) но получен из Константинополя категорический приказ продвигаться вперед, пока не сдадим всех позиций». Далее, указывая на ухудшение положения на фронтах, на то, что «наши войска и их водители не на высоте, страна без власти и дисциплины, воевать не может», он находит необходимым сейчас же получить полномочие на признание Брест-Литовского договора, если предлагаемый Закавказским правительством максимум уступок окажется неприемлемым. «Закавказье должно себя об'явить независимым, чего это оно не делает, несмотря на мои настояния». «Наше признание независимости уже превратилось в козырь для Турции»... и т. д.

В тот же день (27 марта), когда Чхенкели просил полномочия на признание Брестского договора, он в частной беседе сообщает Рауф-бею ответ Закавказского правительства относительно уступок, «но что у делегации другие теперь соображения» по вопросу о признании Брест-Литовского договора, поэтому он вновь запросил свое правительство. 28 марта, в 3 часа дня, был у Чхенкели секретарь Рауф-бея с вопросом, будет-ли дан сегодня официальный ответ, на что он, Чхенкели, ответил, что «он до 7 часов будет ждать ответа правительства, если такового не будет, то через два часа сам даст ответ». Обо всем этом Чхенкели докладывает делегации на заседании 28 марта, после чего заявляет, что «на прошлом заседании все высказались за признание Брест-Литовского договора, я тогда не высказался, но тоже пришел к этой мысли, что стать на точку зрения этого догово-

ра выгодно». Делегаты указывают теперь более настойчиво, чем в прошлом заседании, на необходимость принятия Брест-Литовского договора. Делается даже предложение без промедления принять его, не дождавшись ответа правительства. Как увидим ниже, так и было сделано.

ГЛАВА X.

Очень ценны и важны секретные документы, относящиеся к трапезундским переговорам. Я приведу некоторые более важные из этих документов и телеграмм, в дополнение к тем, которые уже раньше были указаны, чтобы яснее представить растерянность, неустойчивость и быструю изменчивость настроения политических и партийных лидеров Грузии, игравших руководящую роль в крае.

Одновременно с упомянутой выше телеграммой, посланной правительству, Чхенкели сообщает также Жордания по радио следующее:

«Положение критическое, наши войска ниже всякой критики, подпустили турок совсем близко к Батуму, железная дорога будет перерезана у Чаквы. Приходится думать о судьбе Грузии, если силой возьмут Батум. Путь к Ахалциху открыт через Аджарию и Ардаган. Абхазия отложится, Дагестан спустится в Кахетию. Взвесьте в национальном совете положение. Можем ли мы ставить на карту целость Грузии, если не оказываемся в состоянии защитить Батум. Один короткий удар с нашей стороны спас бы положение, вместо этого солдаты удрали, оставив офицеров. Народ не проникнут тревогой за судьбу родины, да об этом ему и не говорилось. Поставьте себе вопрос ,способны-ли мы защищаться и решайте, пока не поздно. Отвечайте категорически сумеем ли мы отстоять Батум. Если нет, поступайте так, как пишу Евгению *) официально».

Характерно, что Чхенкели предлагает Жордания «взвесить положение в грузинском национальном совете», а не в Закавказском Сейме или в краевом совете рабочих и крестьянских депутатов. Заметьте и то, что член Закавказского правительства, министр иностран. дел Чхенкели думает как будто только о судьбе и целости Грузии, игнорируя общекраевой интерес, судьбу и целость всего Закавказского края.

Ответ правительства на последнее предложение Чхенкели опоздал по различным причинам. Не дождавшись этого ответа, было в точности исполнено данное Рауф-бею обещание. Чхенкели с согласия делегации, вручил председателю Оттоманской делегации 28 марта в 9 часов вечера следующее письмо: «Закавказская мирная делегация в ответ на письмо председателя Оттоманской делегации от 6 апреля (н. ст.) 1918 года, имеет честь за-

*) Т. е. председателю правительства Гегечкори. Речь идет здесь о той телеграмме, где Чхенкели просил полномочия на признание Брестского договора.

явить, что она принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем».

Итак, закавказская мирная делегация и ее председатель позволили себе столь ответственный шаг, на который они не были уполномочены. Это не есть только нелояльное отношение к властям, делегировавшим их, но весьма серьезное государственное правонарушение, которое обойти молчанием невозможно.

Чхенкели и его коллеги находили оправдание за последний свой «дипломатический подвиг» в том, что срок ультиматума истекал, враг не ждал и они не могли, поэтому, также дольше ждать ответа из Тифлиса. Но это было совершенно неосновательное оправдание. Правда, противником была дана отсрочка, но при некоторой настойчивости можно было бы заставить его ждать покуда был бы получен из Тифлиса ответ с указанием на серьезные причины опоздания ответа—технические и другие затруднения. Но этого делегация и ее председатель не сделали; не сделали потому, что они сами настроены были совершить подобный акт, они совершили его **сознательно.**

Мы это говорим с полной уверенностью. Они прекрасно знали, что получится от правительства отрицательный ответ. Чхенкели не мог сомневаться в том, что Батум ни в коем случае не будет уступлен. Укажем следующий факт, устраняющий всякую тень сомнения в этом отношении.

Усубеков член правительства (министр народного просвещения) был командирован в Трапезунд для информации. Он прибыл туда раньше подачи заявления Оттоманской делегации о признании Брест-Литовского договора. Усубеков уже до этого информировал членов делегации и председателя Чхенкели о настроении и мнении правительства. Вот его подлинные слова, сказанные им в собрании делегации, крайне взволнованной вследствие отозвания ее обратно в Тифлис:

«В том, что случилось, правительство во всяком случае не виновато. **Правительство через меня своевременно сообщало, что Батум ни в коем случае отдавать нельзя...** Я информировал председателя делегации и отдельные группы членов делегации о настроении правительства, **но почему то делегация не посчиталась с этим настроением»** [1]). (Курсив мой. С. Т.А.).

Итак, делегация и ее председатель совершили сознательно акт правонарушения и нелояльности по отношению к закавказским властям и народам, зная наперед отрицательное отношение к нему и тех, и других. Нельзя сказать, что авторы его сами не чувствовали некоторое угрызение совести.

«Я чувствую неловкость после того шага, который мы сделали и который до сих пор не санкционирован правительством», говорил Чхенкели на заседании делегации 31 марта. «У вас есть об'яснение, успо-

---

1) См. журнал заседания зак. делегации 1-го апреля.

казывает Гаджинский, можно сослаться на телеграмму Гегечкори, в которой он сообщает о своем отсутствии».

28-го марта из Тифлиса была послана Чхенкели за подписями Жордания, Церетели, Гегечкори и Рамишвили следующая телеграмма:

«Твое предложение считаем совершенно недопустимым и осуществление его означало бы национальное и политическое самоубийство Грузии и нашей партии. Мы не можем решиться на него, если бы даже наше военное положение было совершенно безнадежным. Мы предпочитаем оказаться в положении завоеванных».

После этой коллективной телеграммы того же числа были посланы Гегечкори и Рамишвили в Трапезунд телеграммы, поражающие своим несоответствием с содержанием вышеприведенной коллективной телеграммы.

Телеграмма Рамишвили:

«На твой запрос, сумеем-ли защищать Карс—Батум», отвечаю категорически—долго защищать не сможем. Судьба Батума решится в две—три недели, раз турки получат подкрепления. Мы постановили уступить Карс, Ардаган, но отстаивать Батум в урезанном виде. Местные татары предлагают границу—Чорох, Аджарис-Цхали. Условие приемлемое. В крайнем случае, можно срыть крепость. Таково мнение наших военных. Тифлисцы согласятся. Кончайте в течение недели, пока Батум в наших руках. Наш народ не может вести серьезную, долгую войну. Это выяснилось окончательно».

Телеграмма Гегечкори:

«Положение Батума становится безнадежным—дни его сочтены. Сообщая об этом, присовокупляю, что у нас решено в крайнем случае уничтожить крепость и в таком виде уступить Турции, оставив за нами гавань. Прошу принять это во внимание в дальнейших переговорах».

Другая телеграмма Рамишвили 29 марта:

«Вернулся в Нотанеби, где беседовал с Гегечкори. Мы уже сообщили ответ на ваш запрос: одобряем твое решение уступить Карс, Ардаган. Что касается Батума, то он должен остаться в наших пределах. Крепость с прилегающим районом должна всецело перейти к нам. Согласны приостановить военные действия, если противник в Трапезунде согласится покинуть правый берег Аджарис-Цхали, отказаться от дальнейших наступлений».

Итак, из этих телеграмм видно, во-первых, что решено уступить Карс, Ардаган, кроме гавани Батума. При чем, в первых телеграммах говорится в крайнем случае об уничтожении крепости и уступке ее туркам в таком виде, а в другой (вторая тел. Рамишвили) «об оставлении Батума и крепости с прилегающим районом в наших пределах»; во-2-х, это решение исходит не от Сейма, а от четверки—Жордания, Церетели, Гегечкори и Рамишвили.

В телеграмме Рамишвили обращает на себя внимание фраза: «Местные татары предлагают границу—Чорох, Аджарис-Цхали. Условие при-

емлемое». Как видите, Рамишвили—этот мастер всяких политических сделок, думает спасти Грузию от нашествия турок посредством сделок с местными татарами, т е., с муссаватскими элементами, которые вступили уже в тесные, дружеские сношения с Турцией.

28-го марта на вышеприведенные телеграммы Гегечкори и Рамишвили Чхенкели отвечает: «Я предвидел вами сообщенное, чем вызваны мои телеграммы (112 и 113 *), ответ на которые жду сегодня до вечера, иначе буду вынужден поступить согласно тому, как писал. Делегация тоже так думает. Ни под каким видом не срывать крепости, не эвакуировать населения. Вопрос гавани можно поставить после отказа от областей. Приостановите военные действия, по моим данным противник согласится».

Телеграмма Чхенкели 29 марта четверке:

«Гегечкори и Рамишвили категорически признали невозможность удержать (Батум. С. Т. А.) и это совпало с моим мнением. На этом основании, делегация сделала уже официальный шаг, который передан вам радио 118. Пред'явление максимума запоздало, турки твердо стоят на ультиматуме, до принятия Брестского договора ни о чем не хотят говорить, словом, разрыв неизбежен. Принятие же Брестского договора турки считают необходимым условием уступок относительно Батума с их стороны. Этот договор международно гарантирует неприкосновенность остальной части Грузии и Кавказа и ликвидирует братоубийственную войну с аджарцами. Считаю долгом заявить, что надо избегнуть войны даже ценой отдачи Батума. Война ставит на карту существование Грузии и целость Кавказа. Я категорически отказываюсь брать на себя такую ответственность, делегация согласна со мной. Правительство должно без всякого отлагательства официально ответить на мои телеграммы (118 и 112). Если оно не согласно, необходимо отозвать меня и делегацию, ибо после нашего шага дальнейшие переговоры для нас немыслимы. Только что Вехиб-паша со мною вместе отправил радио Батумскому коменданту до 6 часов вечера приостановить военные действия. Предупреждаю, если Батум будет взят силой оружия, турки могут не остановиться, к тому же путь к Тифлису открыт через Ардаган».

Прошу обратить внимание на особого сорта язык и приемы устрашения, к которым прибегает Чхенкели для получения санкции и оправдания своего ничем не оправдываемого шага.

Сейчас же после вручения заявления Оттоманской делегации о признании Зак. делегацией Брест-Литовского договора Чхенкели препровождает «Его Превосходительству» Вехиб-паше письмо **) (от 28 марта), в котором сообщается, что им послано Закавк. правительству предложение

---

*) Эти телеграммы, адресованные Гегечкори и Жордания от 28 и 29 марта, в которых он настаивает на необходимости признания Брест-Литовского договора.

**) Надо сказать, что Вехиб-паша с некоторого времени находился в Трапезунде.

принять за основу дальнейших переговоров с Оттоманской делегацией Брест-Литовский договор, ответ на которое он надеется получить сегодня, завтра и поэтому было бы желательно избежать вооруженного столкновения, могущего осложнить установление истинно дружественных отношений между народами Закавказья и Оттоманского государства.

«Если вашему превосходительству будет угодно согласиться с этим, то я с своей стороны немедленно передам по радиотелеграфу о приостановлении военных операций».

Того же числа наш неслыханный герой телеграфирует военному министру Закавказья (копия коменданту Михайловской крепости) следующее:

«Нахожу необходимым временно приостановить военные действия при условии соблюдения того же противником. Есть надежда, что переговоры приведут к мирному разрешению конфликта. Ответа на 112 жду каждый час, ибо промедление чревато непреодолимыми осложнениями».

С момента признания Закавказской мирной делегацией Брест-Литовского договора председатель ее Чхенкели уже не считается больше ни с правительством, ни с Сеймом, самолично и самопроизвольно распоряжается вместе с Вехиб-пашей приостановить военные действия, сдать крепости врагу и очистить от закавказских частей территории уступленных Чхенкели туркам областей. Комендант же Михайловской крепости сносится с Чхенкели, а не с правительством, распорядителем признает его, а не правительство. Генерал-майор Гедеванов (ком. крепости), исполнив немедленно поручение Чхенкели, телеграфно сообщает 29 марта его Высокопревосходительству Вехиб-паше (копия Чхенкели) об отданном им приказании прекратить всякие действия и посылке парламентеров для непосредственных переговоров с начальником турецких войск, действующих против крепости.

Вслед за этой телеграммой им же сообщается того же числа Чхенкели:

«Несмотря на то, что мною отдан приказ о прекращении военных действий с шести часов вечера 29 марта (11 апреля), с каковых времени таковые были действительно прекращены, турки в 9½ часов вечера открыли ружейный и пулеметный огонь. Благоволите сообщить Вехиб-паше о таком неприятном инциденте», на что Чхенкели отвечает коменданту 30 марта:

«Стрельба в 9½ часов вечера об'яснялась запозданием турецкого распоряжения».

Но позорнее всего телеграфное коллективное сообщение Вехиб-паши и Чхенкели коменданту Батумской крепости (с копией военному министру) от 29 марта, о котором Чхенкели упоминал в телеграмме, посланной им в Тифлис четверке.

Вот эта радиотелеграмма:

«Председатель закавказской мирной делегации, находящейся в Трапезунде, в ночь с 10 апреля на 11 апреля н. ст. официально сообщил, что параграфы Брест-Литовского договора, касающиеся Карса, Ардагана и

Батума приняты Закавказской делегацией и просил прекратить враждебные действия, направленные на Батум во избежание напрасного кровопролития. Но по полученным сегодня утром сведениям, ваши части продолжают огонь, не взирая на то, что таковой был прекращен с нашей стороны. В случае, если до 6 часов вечера 11 апреля (29 марта. С. Т. А.) со стороны грузинских частей огонь не будет прекращен, то турецкие части будут вынуждены продолжать действия. Прошу принять и проч.

11 апреля. Командующий турецкой армией Вехиб-паша».

«Я удостоверяю действительность содержания телеграммы турецкого командующего и с своей стороны настоятельно прошу к назначенному часу прекратить военные действия. Марта 29. Председатель Чхенкели».

Но Чхенкели, находившемуся в сотрудничестве с Рауф и Вехиб-пашами, абсолютно непонятны дьявольские затеи, стратегические маневры турецких дипломатов и милитаристов, этих верных учеников Гинденбургов милитаристической Германии.

12-го апреля (30 марта) комендант крепости Гедеванов телеграфирует Чхенкели:

«Сегодня я получил предложение от начальника турецкого наступающего на Батум отряда освободить крепостной район и все форты, завтра, 13 апреля (т. е., 31 марта. С. Т. А.), с 12 до 4-х часов дня и вывести войска, причем, в случае, если ответ не будет дан к 12 часам, турки приступают к военным действиям с 4-х часов того же дня. По причинам, изложенным в телеграмме Гегечкори (отсутствие его из Тифлиса. С. Т. А.), физически лишен возможности дать ответ в указанный срок. Благоволите известить об этом главнокомандующего Вехиб-пашу и просить об отсрочке ответа на 24 часа. Содержание этой телеграммы будет сообщено завтра рано утром и командующему турецкими войсками, действующими против Батума».

Рамишвили, находившийся в это время в Батуме, телеграфирует с своей стороны Чхенкели о том же и прибавляет:

«Прошу приложить все усилия впредь до окончательного выяснения турецких условий продлить перемирие. Отказ турок от Батума привел бы к миру, к созданию Кавказской республики. Таким исправлением Брестский договор будет принят нашими. Прошу окончательно осведомиться о намерениях турок».

В ответ Чхенкели 31 марта телеграфирует в Батум коменданту крепости (копия министру Рамишвили):

«Вехиб-паша не согласен продлить срок. Я предпринимаю новые шаги, чтобы уломать его. Но если к 4 часам не получится отсрочка, выведите обязательно войска из фортов, возобновление военных действий ухудшит вдвойне положение. Правительство должно передать мне полномочие вести переговоры на основе Бреста. Снимаю всякую ответственность за промедление».

«Уломать Вехиб-пашу»!!... После бесплодной борьбы с ветряными

боя. Другие оказывали упорное сопротивление. Город и портовые располо-мельницами, Чхенкели телеграфирует в Батум того же числа в 3 часа дня тем же лицам:

«Вехиб-паша окончательно отказался менять приказ. Настаиваю освободить форты. Жду ответа правительства».

Такова крайне печальная история закулисной деятельности нашей дипломатии. Таковы секретные документы, обличающие «политических руководителей и дипломатов» Закавказской демократии.

ГЛАВА XI.

«Я настоятельно прошу к назначенному часу прекратить военные действия», «вывезите обязательно войска из фортов», «настаиваю освободить форты», вот какие приказы давал Чхенкели коменданту Батумской крепости, не имея на то ни полномочия, ни власти. Противник требовал к назначенному часу сдачи фортов и города. «Я предпринимаю новые шаги, чтобы уломать Вехиб-пашу», сообщал правительству Чхенкели. Это со всей предыдущей историей его шагов очень напоминает историю «подвигов» героя бессмертного Сервантеса. Нельзя забыть в данном случае то, что сам же Чхенкели писал правительству, что «получен из Константинополя категорический приказ продвигаться вперед, пока не сдадим все позиции». Турецкий натиск был еще больше усилен с момента признания зак. делегацией Брест-Литовского договора. Враг упорно требовал отступления закавказских частей, сдачи без боя всех позиций «во избежание напрасного кровопролития», безостоновочно наступал по определенному плану, а наш Сервантесовский герой все еще расчитывал на победу, до конца был настроен оптимистически к врагу. «Я был в полной уверенности, заявлял Чхенкели 31 марта собранию делегации, что Вехиб-паша предупредит меня; к сожалению, я не получил этого предупреждения».

«Крепость Батум 1-го апреля занята турками. Гарнизон крепости выведен к северу для продолжения обороны приморского направления» *).

«Батум перешел в наши руки.... Некоторые из фортов сдались без жения были заняты без сопртивления» **).

Итак, «некоторые из фортов сдались без боя», город и портовые расположения были заняты без сопротивления», после приказов Чхенкели и натиска турок. Наши отряды отступили, в город вошел, как уверяли очевидцы, турецкий отряд из 200—300 голодных, оборванных аскеров... В этом не может быть никакого преувеличения, если принять во внимание, что после 4-хлетних ужасов войны войска в Турции, как и

*) Официальное собщение 2 апреля штаба кавказской армии.

**) Турецкое донесение 2 апреля о занятии Батума.

почти во всех странах, были расстроены и дезорганизованы. Сам Чхенкели в своей телеграмме 23 марта указывал, между прочим, правительству на то, что турки «ведут большие, голодные массы» *).

Как бы турки ни вели «большие, голодные массы», «значительное количество нагруженных верблюдов с вожатыми персами» (сообщение полк. Эсадзе), тем не менее они действовали образцово, последовательно, по известному плану. Ведя мирные переговоры, турки убаюкивали, усыпляли наших «дипломатов». Этим они наигрывали время для собирания новых сил, для получения новых подкреплений.

В тот же день (31 марта), когда Чхенкели собирался «уломать Вехиб-пашу», он получил от Оттоманской делегации следующее письмо:

«Г. председатель, Императорское Оттоманское правительство осведомилось о декларации Закавказской делегации от 10 апреля (н. ст.) сего года, подписанной министром иностранных дел и председателем Закавказской делегации г-ном Чхенкели. Однако, для возможности привлечения его союзников к переговорам о договоре дружбы, который оно готово обсудить, необходимо прежде всего, чтобы Закавказье декларировало свою независимость. Примите и пр. Г. Рауф-бей, предс. имп. Оттоманской делегации».

Перенесемся на время из Трапезунда в Тифлис и посмотрим, что там делается по поводу Трапезундской трагикомической истории и событий на фронтах.

Как было уже указано, политические руководители Закавказья и Грузии (речь идет здесь, главным образом, о знакомой уже читателю четверке) решительно отвергали до конца условия Брест-Литовского договора, в крайнем случае уступали Карс. Ардаган, кроме Батума. Они готовы были отстоять Батум город и гавань даже ценою разрыва с турками.

Рамишвили, примкнувши впоследствии к позиции Чхенкели, был вначале того же мнения и в одном из своих сообщений обвинял Чхенкели в том, что «он слабо выгораживает Батум». «Вы меня принимаете за шута, отвечает ему на это Чхенкели, когда предполагаете, что я слабо выгораживаю Батум, приезжайте, убедитесь»... «Вашей медлительностью и нерешительностью вы делаете непоправимую ошибку... Политика Жордания и Церетели может надолго похоронить наше национальное дело». (Тел. 31 марта).

*) В соединенном заседании правительства, президиума и представителей фракций Сейма 31 марта Гегечкори заявлял, что „по имеющимся сведениям, силы противника пока незначительны и состоят из 4.000 регулярной пехоты и шести орудий, подерживаемых аджарскими бандами и четниками“.

Политика Жордания, Церетели и кабинета Гегечкори состояла в отклонении Брест-Литовского договора и в отстаивании, в крайнем случае, силой оружия Батума. Но эта защита силой оружия должна быть отнесена только к области пожеланий, на деле она, как мы увидим, не была осуществлена.

После признания нашей делегацией Брест-Литовского договора, турки потребовали, как уже было сказано, немедленно сдаться без боя, в противном случае они грозили штурмом города и крепости. Закавказским властям оставалось одно из двух: санкционировать официально акт признания Закавк. делегацией Брест-Литовского договора и сдать Батум и крепость или же, отклонив и то и другое, взяться за оружие. Они выбрали второе, не задумываясь совершенно о том, что следовало бы дело вести до конца. 31 марта состоялось экстренное заседание правительства, а вечером того же дня — заседание Закавказского Сейма.

Выступления в Сейме председателя правительства Гегечкори, Церетели, Жордания и других не оставляют никакого сомнения в готовности их с оружием в руках отразить наступающего врага.

Несмотря на весьма и весьма тяжелое положение, разруху, царящую теперь на всем пространстве края, «правительство думает, говорил Гегечкори, что не погас еще дух свободы Закавказской демократии, что «есть еще порох в пороховницах», и что, если мы слабы, то не так слабы, что можно было сделать нас рабами»... «Мы постараемся, мы приложим все усилия» и т. д.

Отметим в речи Гегечкори одно важное признание. «Турция нам предложила послать делегатов для выработки мирных условий, и **если бы тогда мы знали,** (курсив мой. С. Т. А.), что это делается лишь для того, чтобы получить от нас санкцию условий того позорного мира, которые турки нам пред'являют, то, я полагаю, Сейм не унизил бы своего достоинства до того, чтобы разыгрывать ту комедию, в которую, в конце концов, превратилась та мирная конференция, которая заседала в Трапезунде» *).

Допустим, что «Сейм не унизил бы своего достоинства», но спрашивается, позволительно-ли было Закавказским властям, называвшим себя «демократическими», доверчивое, оптимистическое отношение к феодально-деспотической Турции, державе враждебной, преследовавшей империалистическую, завоевательную политику?

Взаимное доверчивое отношение возможно между равными, братскими народами, имеющими однородные социально-политические интересы и цели, между социалистическими государствами, но отнюдь не между

*) См. ст. отч. зас. Зак. Сейма от 31 марта.

враждебными государствен. организациями, каковыми являлись Закавказье и Турция. Нелепо оправдываться тем, что «не предвидели, не знали» того, что «Турция могла предложить то, что предложила во время мирных переговоров». Это не язык государственный, не язык политики социалистической демократии, на что претендовали Гегечкори и его товарищи. Не знали-ли Гегечкори и другие, что феодальная Турция, один из членов четверного союза, вместе со своими союзниками под руководством милитаристической Германии, преследовала враждебные Закавказью и России цели? Не знали-ли они, что Турция до начала мирных переговоров нарушила условия перемирия, и, продвигая все вперед свои военные силы в продолжение 2—3 месяцев, заняла большие территории и города, дошла почти до границ 1914 года?

О незнании этих обстоятельств ни в коем случае не может быть речи. Образ действия турецкого правительства и его делегации в Трапезунде при мирных переговорах являлся продолжением той агрессивной политики, которую оно неуклонно проводило на деле после нарушения условий перемирия. Если даже признать основанием самооправдания «незнание» или, вернее, политическую недальновидность политических руководителей края, то, во всяком случае, это говорит именно не в пользу правительства.

Речи Церетели, произнесенные 31-го марта в соединенном заседании правительства и сеймовцев и в Сейме, отличались также готовностью отразить дерзкого врага, надеждой на победу над ним. «Турецкий империализм пред'явил Закавказской демократии ультиматум признать Брест-Литовский договор... этого смертного приговора для нашей родины мы не подпишем *).

Лучше умереть в бою, чем нанести себе смертельный удар...

Мы должны напречь все силы, чтобы не впустить врага в пределы нашей страны. Самая сознательная, организованная часть Закавказской демократии уже стоит там на фронте в Батуме и в настоящий момент с оружием в руках отстаивает судьбы Закавказской демократии. Туда тянутся все новые и новые силы. Мы будем бороться до последней капли крови». Прошу обратить особое внимание на это последнее заявление Церетели. Глава правительства Гегечкори уверял в те же дни в присутствии партийных товарищей, что в Батуме стояли около 10.000 хорошо организованных, сознательных бойцов. Кроме того, он отмечал в упомянутом выше соединенном заседании 31 марта, что «с технической стороны,

---

*) Однако, Трапезундская делегация и ее председатель Чхенкели признали и подписали этот „смертный приговор". что же сделали с ними? Привлекали-ли их за это к ответственности? Ничего подобного. Наоборот, им были предоставлены все возможности и все средства для победы, власть перешла к ним, Чхенкели же был назначен социал-демократической правительственной партией премьер-министром.

по мнению авторитетов, оборона Батума поставлена на надлежащую высоту. Приняты меры к усилению и пополнению боевого состава Батума, при чем недостатка в живой силе не встречается за последние дни. Настроение населения Гурии и части Кутаисской губернии повышается в связи с сознанием ясной опасности турецкого нашествия. Это настроение проявляется в массовом движении старых солдат на защиту Батума».

Рамишвили же (мин. вн. дел) еще недавно (в заседании Сейма 13 марта) говорил в своей речи, между прочим, следующее: «А что Закавказская демократия способна на героическую борьбу, в этом отношении самым лучшим ручательством является наша многовековая история, история, полная треволнений и героической борьбы со всеми окружающими нас народами, и лучшим свидетелем в этом отношении может служить то воодушевление, которое царит в нашей провинции, и более чем успешная мобилизация наших сил».

Все это противоречит тому, что уже известно читателю из секретных телеграмм. Официальные заявления, сделанные публично 31 марта, совершенно не сходятся с содержанием телеграмм, посланных Гегечкори к Рамишвили в Трапезунд 28 и 29 марта.

В заседании Сейма 31 марта выступили еще другие ораторы от разных партий с боевым лозунгом. Только партия «Муссават» высказалась почти за нейтралитет. Представитель последней (Рустамбеков) от имени своей фракции, группы беспартийных и партии мусульман в России (Иттихат) сделал заявление, что «всеми средствами они окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой тяжелой войне»; что же касается вопроса об активном участии в войне, «мусульманская демократия вооруженной, живой активной силы против Турции дать не может по религиозным соображениям».

В конце заседания Жордания делает следующие практические предложения:

1. По вопросу о мирной делегации: «В виду того, что мирное соглашение о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказск. делегации предлагается немедленно выехать обратно в Тифлис».

2. Об'явить страну на военном положении.

3. Создать боеспособную коллегию, облеченную чрезвычайными полномочиями по ведению войны, в состав которой войдет тройка — военный министр, министр внутренних дел и министр финансов, с правом кооптации лиц, которых она признает желательными.

4. Обратиться от имени Сейма к народам Закавказья и всей Закавказской демократии с призывом «на защиту границ и революции».

Все эти предложения были приняты Сеймом.

Было также предложено отсрочить Сейм на две недели, в виду того, что «у членов Сейма будет, очевидно, много работы на местах».

Однако, Сейм решил в следующем заседании (2 апреля, понедельник), после рассмотрения и принятия военного законопроекта, разрешить правительству известный аванс на военные нужды, а затем уже отсрочить Сейм на две недели.

Но все эти постановления об об'явлении страны на военном положении, о военной диктатуре, готовности с оружием в руках встретить надвигающегося врага остались только на бумаге. Чрезвычайное заседание Сейма не состоялось в понедельник, 2 апреля. Страна не видела активности тех, которые в своих речах и воззвании «ко всем народам Закавказья» решали дилемму: «позорный мир и рабство или война» *).

ГЛАВА XII.

Сообщение правительства о выезде обратно в Тифлис вызвало в делегации сильное недовольство и волнение в особенности в мусульманско-муссаватистской части ее.

После доклада Чхенкели в собрании делегации 1-го апреля об этом «неприятном и скандальном» инциденте, Гаджинский, очевидно, чувствуя себя глубоко оскорбленным, заявляет в категорической форме следующее:

«На это надо смотреть, как на скандал, равного которому нет в мировой истории международных отношений. Делегации остается один выход — подать в отставку, как членам делегации — первый выход, членам правительства *) — второй выход, членам Сейма — как третий выход. Со стороны Сейма, это есть неодобрение и неодобрение в такой форме всей нашей работе, что я считаю недопустимым остаться и заявляю о своей отставке».

Хасмедов предрешает уже в Трапезунде вопрос о том, кому выйти в отставку — правительству или делегации.

«Сейчас преждевременно говорить об отставке. Тогда, когда мы приедем в Тифлис и доложим во всех деталях все обстоятельства в связи с ходом дел, возникнет вопрос, кому сложить полномочия — делегации или правительству».

Прения приняли, очевидно, до такой степени острый характер на личной почве, что председатель вынужден заметить:

«Мы находимся в чужой стране. Здесь не место вести споры. Личный момент должен совершенно отпасть».

---

*) Указанное возвание помещено в стенографическом отчете заседания Сейма от 31 марта и в сборнике „Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии“.

**) В делегации было пять членов правительства.

После этого Гаджинский делает следующее многозначительное заявление:

«Прежде всего я делал предложение независимо от того, кто виноват, Сейм или мы. Лично от себя я заявляю, что **имею мандат от своей партии ехать в Константинополь для принятия последних мер к заключению мира, так нам необходимого».** (Курсив мой. С. Т. А.).

Чхенкели замечает: «Заявление М. Г. Гаджинского принимается к сведению *).

Этим весьма ценным заявлением определяется вполне позиция партии «Муссават», ее измена нашей стране.

В конце концов собрание постановляет: отправляться всей делегации к турецкой делегации с прощальным визитом, пожертвовать бедным города Трапезунда 20.000 руб., поручить секретарю сделать прощальные визиты местным властям.

Отметим здесь же, что на этом собрании была выслушана длинная речь Гайдар бека Бамметова, какого-то авантюриста, самозванца, выдавшего себя за представителя делегации от горцев Северного Кавказа (Дагестана, Чечни). Он приехал в Трапезунд для переговоров с турками о политическом устройстве кавказских горцев.

Я не забываю телеграммы Рамишвили, в которой он сообщал Чхенкели 23 марта о Расул-Заде и Бамметове следующее: «В Трапезунд выезжает Расул-заде, как заявляет по постановлению своей фракции (фракция Сейма «Мусават». С. Т. А.) в виду Бакинских событий, с целью повлиять на турецкую делегацию стать более устойчивой в вопросах мира. Приехала делегация Дагестана, Чечни для переговоров о вступлении в состав нашего государства. Необходимо учесть эти обстоятельства».

Не может быть никакого сомнения в том, что все эти Бамметовы и муссаватисты в роде Расул-заде и др. являлись агентами феодальной, деспотической Турции, все усилия их в Трапезунде, а потом в Батуме, были направлены к содействию турецкой завоевательной политике, разрушению единого политического фронта российской и кавказской рабоче-крестьянской демократии, раздавлению большевистской Советской власти в Баку.

Советская власть в Баку и защита рабочего класса этой власти силой оружия служила главной, если не единственной причиной лихорадочной деятельности муссаватистов и всех контр-революционных элементов Кавказа, которую прежде всего надо было всеми средствами устранить.

Чхенкели не думает еще покинуть Трапезунд; прежде чем уехать, он делает последнюю попытку «спасти» Кавказ и Грузию. До прощального визита турецкой делегации созывается 1 апреля к 11 часам утра по-

*) См. протокол зас. дел. от 1 апреля.

следнее собрание делегации. Здесь г. Чхенкели в длинной речи указывает на необходимость использовать все возможности, сделать все усилия для спасения края, «оставить за собой выход, который создаст впечатление не разрыва, а перерыва мирных переговоров». Несмотря на неправильность, на глубокую ошибочность шага Сейма и правительства, которые они ставят в роковое положение страну, несмотря на недовольство делегации ими, по приезде в Тифлис делегация должна всей силой своих убеждений влиять на Сейм и правительство и поставить их на правильные рельсы. Во имя спасения края делегация должна решиться на этот шаг, т.-е. показать туркам, что это не есть с их стороны разрыв, а перерыв. «Если мы не пошлем делегации Оттоманского правительства бумаги о нашем отозвании официально, а в беседе официально же заявим, что в силу полученных инструкций Закавказская делегация выезжает сегодня, мы тогда можем официально заявить, что тот выход, который был нами принят, может быть принят и Закавказским правительством».

Это предложение было восторженно принято всей делегацией. Хасмамедов, восхваляя Чхенкели заявляет, что «Акакий Иванович сказал глубокую государственную истину». «Мы прерываем переговоры и начинаем действовать. Вот язык государственный».

Сказано, сделано. Того же числа письменно сообщается турецкой делегации следующее: «Закавказская делегация, в виду полученных ею от своего правительства инструкций, имеет честь сообщить имп. отт. делегации, что она находится в необходимости выехать сегодня в Тифлис».

Сейчас же после того г. Чхенкели в частной беседе с Рауф-беем, «не скрыв от него точное содержание телеграммы, полученной им от правительства для разрыва переговоров, сообщил ему, что так как он надеется, что по возвращении в Тифлис ему удастся убедить правительство изменить свое решение, он не находил нужным сообщать оттоманской делегации текстуально текст означенной телеграммы» *).

Это заявление, сделанное Рауф-бею частным образом г-ном Чхенкели по своей излишней, глупой откровенности и чистосердечности, прекрасно было использовано врагом впоследствии во время Батумской конференции. Оно нигде не опровергнуто г-ном Чхенкели и не могло бы быть создано воображением турок, следовательно, надо считать действительным, тем более, что оно вполне соответствует содержанию речи Чхенкели произнесенной им на прощальном визите председателей обеих делегаций. Мы не можем останавливаться здесь на описании того «весьма трогательного прощального визита», на котором были произнесены речи председателей обеих делегаций, полные мерзостью и цинизмом. Отметим только, что тогда

*) См. меморандум предс. от дел. Халил-бея на имя предс. зак. дел. Чхенкели от 18 мая 1918 г. (Док. и мат. по вн. политике Зак. и Грузии).

когда речь Рауф-бея отличается глубоким маккиавелизмом, речь Чхенкели замечательна глубиной своей глупости и злокачественной болтовней.

Расставание было весьма «дружеское и трогательное»! Чхенкели и его сподвижники выехали в тот же день в Тифлис, оставили в Трапезунде душеприказчиков в роде политических мракобесов Вашапели для того, чтобы они были в постоянных сношениях с турками, не порывали с ними «добрососедских, истинно-дружеских» связей.

Так скандально кончилась Трапезундская конференция. Она принесла много зла и бедствий нашей многострадальной стране. Логическим следствием ее оказалось отпадение Закавказья от России, отделение закавказской демократии от российской. Батумская же конференция — продолжение Трапезундкой, имела своим последствием раздробление края на мелкие части, распыление единой закавказской международной демократии на враждебные друг другу национальные государства.

По прибытии наших трапезундских рыцарей в Тифлис, дела приняли другой оборот.

«Наше присутствие в Тифлисе может настолько оздоровить атмосферу, что мы, несомненно, придем к благоприятному концу», говорил г. Чхенкели в своей речи перед лицом врага при прощании. И, действительно, почва была слишком плодородная, они сумели без больших трудов «оздоровить атмосферу». Среди муссаватских элементов сильное брожение. Хасмамедовы задаются целью во что бы то ни стало привести в исполнение то, что ими было решено уже в Трапезунде: свергнуть правительство и на его место поставить другое—муссаватско-турецкой ориентации. Дашнакские делегаты, не уступают своим противникам из партии «Муссават» и всей силой «своих убеждений» добиваются влиять на своих приверженцев. Еще из Трапезунда Качазнуни и Хатисов сообщали 30 марта представителям своей партии, что «они считают необходимым обратить внимание самым серьезным образом на то, что при создавшихся условиях признание Брест-Литовского договора является наименьшим злом». Но более всего интересно то, что теперь нам представляются Чхенкели и его сторонники в полной своей наготе. Они в данный критический момент внешней и вутренней контр-революционной опасности. беззастенчивы, дерзки до неузнаваемости, обнаруживая более, чем когда-либо свою истинную природу, свое националистическое лицо. Грузинская социал-демократия в полной солидарности с реакционным национальным советом и националистическими элементами грузинского общества, усиленно ведут кампанию за торжество чхенкелистского национально-реакционного течения.

Сейм, как высший краевой орган власти, почти не существует. Центрами становятся Национальные Советы. Они дезорганизовывают государственный аппарат. Влачит жалкое существование также совет раб. кр. и солд. депутатов. Со дня основания Сейма, его значение было доведено до ничтожности, благодаря «дальновидной» политике «лидеров».

Вечером, 7-го апреля, состоялось соединенное заседание обл. и тифл. комитетов Р. С. Д. Р. П. и контрольной комиссии. Здесь были все видные представители социал-демократической партии. Обсуждались вопросы о положении вообще, об организации власти.

Собрание большинством голосов провалило кандидатуру Чхенкели в премьер-министры, выдвинутую его сторонниками. Это было 7-го апреля. В следующий день, 8-го апреля, состоялось заседание национального совета. Чхенкелисты и др. националистические группы пытаются добиться торжества своей политики, основываясь на национальном совете. Национальный совет выносит решение об об'явлении независимости Закавказья и передачи власти в руки Чхенкели.

9-го апреля, в 10 час. утра, Рамишвили созывает экстренное заседание областного комитета. Около половины членов комитета отсутствует. В порядке дня стоят те же вопросы, которые были отвергнуты 7-го апреля в соединенном заседании областного и тифлисского комитетов.

Жордания поражает сегодня, он неузнаваем, говорит теперь совершенно иным языком. Еще вчера, он осуждал в самых резких выражениях Чхенкели и решительно отвергал его кандидатуру, сегодня же поддерживает его. Что случилось с ним в течение одних суток? Случилось, очевидно то, что какие-то закулисные затеи и решения национ. совета—сборища дворянско-буржуазных, реакционных партий, председателем которого он состоял, увлекли его, вскружили ему голову. *).

Собрание областного комитета большинством 8 голосов против 1-го (1 воздерж.) приняло решение о передачи власти Чхенкели.

Наступил, наконец, злосчастный день 9 апреля, когда собрание представителей кавказского национализма—Сейм решается вручить власть в руки Чхенкели и провозгласить независимость Закавказья.

ГЛАВА XIII.

9-го апреля, вечером, состоялось историческое заседание Сейма. В порядке дня стоят важные вопросы: о независимости Закавказья, доклад Чхенкели о трапезундской мирной конференции, формирование власти и др. С докладом от имени комиссии по вопросу о провозглашении независимости выступает Ониашвили (с.-д.) с неудачной, бездарной речью: «В настоящее время, в силу сложившихся обстоятельств, российская ориентация является по существу ориентацией реакционной... Революционный долг властно повелевает отбросить в сторону реакционную

---

*) Жордания слывет, вообще, за „большого дипломата". Насколько это основательно, не могу утверждать; но, что он крайний оппортюнист, никакого сомнения не может быть. Оппортюнизм Жордания такого сорта, что трудно провести демаркационную линию между его социал-демократизмом и национал-демократизмом.

ориентацию и искать лучшей и новой ориентации». Ввиду этого, искатели «лучшей и новой» ориентации вроде социал-демократов Oниашвили решили отмежеваться от российской ориентации и «ориентироваться на себя», на «Закавказье», а через полтора месяца «на Грузию». Но так как к бесконечному числу абсурдов прибавился еще один абсурд «ориентации на себя», то спустя некоторое время грузинским социал-демократам пришлось устремить свои взоры в сторону германской ориентации, затем английской и в конце в сторону ориентации на Европу.

Дебаты по вопросу о независимости, порой страстные и горячие, продолжались до поздней ночи.

Закавказский Сейм постановил: «Провозгласить Закавказье независимой демократической федеративной республикой». Эта формула принимается большинством голосов. За нее голосовали: с.-д. фракция, грузинские эсеры, дашнаки, муссаватисты. Шумные, долго не смолкавшие аплодисменты. Все члены Сейма встают и приветствуют принятие этого акта стоя *). Отметим, что некоторые русские, армянские и 2—3 грузинских с.-д., не желая принимать участия в голосовании, вышли из зала заседания до голосования.

В этом же заседании был выслушан длинный доклад Чхенкели о мирных переговорах с Турцией. Читатель уже знаком в деталях с ходом этих переговоров, останавливаться на докладе о них я не буду. Георгадзе (с.-д.) предлагает от имени с.-д. фракции принять без прений следующую формулу: «Выслушав доклад мирной делегации, Сейм предлагает правительству продолжать мирные переговоры и принять меры к скорейшему заключению мира. Одновременно с этим, Сейм предлагает правительству принять энергичные меры для организации обороны страны». Расул-Заде предлагает от имени «Муссават» другую формулу с выражением одобрения образа действия мирной делегации, но это предложение проваливается и проходит большинством голосов формула с.-дем. фракции.

Правительство, возглавляемое Гегечкори, сложило свои полномочия до об'явления независимости Закавказья.

После падения Гегечкори, сформирование власти было поручено Чхенкели. В состав нового кабинета вошло 5 членов мусульман-«муссаватистов», 3 дашнакцакана и 5 социал-демократов (Чхенкели, Рамишвили, Хомерики, Георгадзе и Ерзинкян). Само собой разумеется, что в состав правительства Чхенкели могли только вступить лица, солидаризовавшиеся с позицией Чхенкели и одобрявшие его политическую платформу. Входившие в кабинет Чхенкели лица, какое бы название себе они ни дали (речь идет о социал-демократах), должны были делать дело реакционно-националистическое, служить планам внутренних и внешних контр-революционных сил.

*) См. стенографичеокой отчет Закавк. Сейма 9 апреля.

По выслушании декларации нового правительства, оглашенной премьер-министром в заседании Сейма 13 апреля, все фракции и во главе их с.-д. фракция одобрили ее, обещав ему полную поддержку. Социал-демократия выдвинула кандидатуру Чхенкели на основании постановления национального совета, она же, естественно, должна была одобрить и поддержать платформу «первого правительства независимого Закавказья». Много надежд возлагалось на это правительство, правительство реакции, неспособное по своему составу и политической позиции осуществить ни одной из намеченных им в декларации задач.

Можно-ли было усомниться в реакционности кабинета Чхенкели? Нисколько. Все шаги и действия Чхенкели и его сторонников в партийно-политической жизни страны и в трапезундских мирных переговорах не оставляли тени сомнения в контр-революционности их. Никто другой, как Жордания в заседании областного комитета закавк. с.-д. организаций 9 апреля заявлял, что «он считает Чхенкели национал-демократом, тем не менее, кроме него другого кандидата не находит, которому можно было бы вручить организацию власти». А вот, что писала о кабинете Чхенкели в своей передовице партийная с.-д. газета «Борьба» (№ 55, 1918 г.), орган Жордания—Церетели: «Уход кабинета Е. П. Гегечкори и возглавление его А. И. Чхенкели, подписавшим Брест-Литовский договор, означает крупную победу партии «Муссават» и других националистических элементов». Вот этот кабинет встретили с приветствием социал-демократы и социалисты, обещая ему полную поддержку. Падение дальше этого не могло итти.

Я не стану говорить о выступлениях контр-революционеров вроде Расул-Заде, грузинского эсера Лордкипанидзе, поражавшего своей яркой защитой дарованной турко-германскими штыками независимости, и лидера с.-д. Церетели, повернувшегося спиной к российской демократии. Скажу только одно: в речах Церетели и других проходит красной нитью одна идея, идея о необходимости беспощадной борьбы и раздавления большевизма, как самого ужасного зла, главной, если не единственной причины всех бедствий и несчастий. После этих бесподобных речей Сейм принимает следующее предложение, сделанное Арсенидзе (с.-д.) от имени с.-д. фракции: «Выслушав декларацию главы первого кабинета независимой Закавказской республики, Сейм признает крайнюю необходимость осуществления намеченных в декларации мероприятий в области внешней и внутренней политики и, обещая свою полную поддержку правительству, переходит к очередным делам».

Сейчас же по вступлении во главу правительства Чхенкели сообщает Вехиб-паше (тел. 10 апреля) о провозглашении независимости Закавказья, одобрении зак. правительством признания мирной делегацией Брест-Литовского договора и готовности его возобновить мирные переговоры. Не забудем, что через три дня после приезда из Трапезунда, Чхен

кели обращается к Вехиб-паше с просьбой приостановить военные действия, которые после перерыва трапезундских мирных переговоров и взятия Батума (в ночь с 1 на 2-е апреля), продолжали развиваться, как в приморском направлении, так с особой интенсивностью в районе Карской крепости. Это об'яснял Вехиб-паша в своей телеграмме от 9 апреля на имя Чхенкели «разрывом переговоров со стороны Закавказской делегации». Телеграммой от 10 апреля Чхенкели сообщал также Вехиб-паше, что будут посланы парламентеры для переговоров об эвакуации Карса, а с пяти часов вечера 10 апреля будет отдан приказ по фронту о приостановлении военных действий; при этом он просил Вехиб-пашу сделать тоже с своей стороны. Правительство приняло, предложенные турками, все условия, сводившиеся к следующему: закавк. войска должны были отойти к Карсу и стать в 2-х километрах впереди фортов, причем они не должны стрелять при подходе турецких войск. Армянскому комкору ген. Назарбекову было приказано не позже 12 часов ночи 11 апреля выслать к туркам парламентеров для установления срока и условий эвакуации Карса. Несмотря на принятие турецких условий, с утра 11 апреля турки перешли в наступление по всему фронту с целью подойти к карсским фортам. Коменд. карсской креп., не успевший еще получить 11 апреля указания правительства о передаче туркам крепости без боя приказал фортам открыть огонь. «Дружный и весьма действительный, по всем отзывам, огонь, открытый со всех фортов западного и южного фронтов, заставил турок приостановить наступление и затем и прекратить военные действия». (Из донесения ген. Назарбекова от 15 апреля).

«Это несколько преждевременное наступление турецких войск к Карсу с утра 11 апреля вызвало панику городского населения». «Распоряжение о передаче туркам крепости без боя было получено комендантом лишь в 7 ч. вечера 11 апреля, а с утра 12 апреля по выработанному условию и по взаимному соглашению обоих сторон, части гарнизона оставили форты, которые вслед затем были заняты турецкими войсками» *).

Правительственное сообщение «о несколько преждевременном наступлении» турецких войск и очищении Карса, основанное исключительно на сведениях, данных Вехиб-пашой, «несколько» отличается от донесения ген. Назарбекова от 15 апреля. Причины взятия Карса «силой» перечислены в телеграфном сообщении Вехиб-паши от 14 апреля и нечего было правительству Чхенкели извращать факты и представить вниманию публики события, имевшие место под Карсом, в ином свете. Вот что телеграфирует в Тифлис 14 апреля областной комиссар Дзамоев: «Ввиду неожиданной и чрезвычайно быстрой для нас всех сдачи Карсской крепости по распоряжению из Тифлиса, население, всемерно приго-

*) См. правительственное сообщение 5 мая в сборнике „Док. и материалы по вн. пол. Зак. и Грузии.“ Стр. 261.

товившееся к защите твердыни Закавказья, было вынуждено бросить буквально все и оставить Карс 12 апреля в 5 час. вечера, покинув об'ятый пламенем Карс. Горели лучшие здания. Картина отхода населения неописуема».

Генерал Назарбеков же писал в своем донесении от 15 апреля, между прочим, следующее: «Распоряжение о прекращении военных действий с 17-ти часов 10 апреля, согласие правительства на все поставленные турками условия перемирия под Карсом бесповоротно решили участь крепости. Если при нормальных условиях продолжения войны крепость, вероятно, могла бы продержаться не менее месяца, а, вероятно, и больше, то при создавшихся условиях это стало уже невозможным».

Наши войсковые части, после сдачи Карса, отошли уже за Арпачай в сторону Александрополя и им строжайшим образом приказано было не предпринимать никаких военных действий против турецких войск. (Правит. сообщение 5 мая). Другой телеграммой от 12 апреля ген. Назарбеков предупреждал, что «уничтожение в настоящее время укреплений Александрополя, находящихся на правом берегу Арпачая, отдает всю крепость в руки турок», и что «необходимо прочно занять александропольские укрепления и позицию по Арпачаю, пока еще далеко не выяснено намерение турок». После же заключения мира можно будет их уничтожить. Что же мы читаем по этому поводу в правительственном сообщении 5 мая, когда мир еще не был заключен: «Форты Александропольской крепости взорваны и оставлены нами, так как эти форты расположены в пределах карсской крепости».

Дважды закавк. правительство телеграфирует 17 апреля в Батум Вехиб-паше, указывая на ряд нарушений турецкими войсками условий перемирия, на их переход границы и занятие ими местностей в различных частях Эриванской губернии. На это Вехиб-паша отвечает того же числа: «Нарушения границы не было»... «Ваши войска первые атаковали, наши лишь отбили эту атаку»... «Принимая во внимание, что наибольшие затруднения возникли бы на карсском и баязетском фронтах, я отдал точные и категорические приказания».

Все это ясно дает понять Вехиб-пашу. Он, как и другие представители военных властей Турции, прекрасно знали уже, с кем, с каким правительством они имеют дело и, ни на минуту не сомневаясь в «чистосердечности», «доброжелательности» и в других «высокодемократических» качествах дипломатов вроде Чхенкели, беспрепятственно стремились к осуществлению своих стратегических планов.

Вешапели, душеприказчик Чхенкели, которому последний поручил остаться в Трапезунде, после перерыва переговоров, для поддержания связи и «добрых» сношений с турецкой делегацией, вернувшись в Тифлис, высказывал в газете «Возрождение» такого рода мнение, что «раз об'явлена независимость Закавказья и во главе правительства стал

Чхенкели, заключение мира на благоприятных условиях легко осуществимо» *). Да, «легко осуществимо»! Известно всему населению нашей страны, какой мир дали турки, какое прекрасное орудие для себя использовали они в лице Чхенкели и его соратников. Всякому ребенку теперь уже стало ясно, что все, что хорошее думает и говорит враг о тебе, как о противнике, надо понять в совершенно обратном смысле. Опыт трапезундских мирных переговоров и вся последующая история батумской конференции еще лишний раз подтверждает правильность начи сказанного.

В батумской мирной конференции, состоявшейся в первой половине мая, принимала участие, кроме закавказской и турецкой делегаций, также делегация Германии в лице ген. фон-Лоссова. Премьер-министр Чхенкели возглавлял зак. делегацию, турецкая же делегация представлена была под руководством Халил-бея, министра юстиции Турции. В качестве полноправного члена конференции была допущена также делегация так называемого правительства союза горцев Сев. Кавказа, в состав которой входили Бамметов, Чермоев, Темир-Ханов и Кантемиров (член Сейма). Эти авантюристы, об'явив отделение Северного Кавказа от России и образование независимого государства с территорией от Черного моря до Каспийского, явились в Трапезунд во время мирных переговоров, затем поехали вместе с Рауф-беем в Константинополь, где нотифицировали свою независимость перед «Блистательной Портой» и сообщили об этом союзным Турции державам. Сыграв роль агентов турко-германского империализма, они были радостно признаны турецкой и германской делегациями в качестве равноправных участников конференции, закавказская же делегация, не находя ничего против них, сочла возможным их участие в работах конференции. О них не стоит распространяться, достаточно только указать на ноту народного комиссара по иностранным делам Российского Советского государства Чичерина, адресованную 15 мая германскому правительству, в которой, между прочим, говорится, что «против попытки небольшой кучки попрать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучки, Российская Советская власть будет выступать самым решительным образом».

ГЛАВА XIV.

Первое пленарное заседание Батумской конференции состоялось 11 мая. На этом же заседании обнаружилось коренное разногласие между закавказской и турецкой делегациями, послужившее впоследствии к разры-

*) См. газ. „Возрождение“ 12 апреля 1918 г.

ву переговоров. Разногласия эти сводились к следующему: Закавказская делегация настаивала на том, что Брест-Литовский договор должен быть признан обязательным, он должен был лечь в основу мирного договора. между тем турецкая делегация считала для себя Брест-Литовский договор необязательным и что он не может служить основой настоящих переговоров, так как после разрыва трапезундских переговоров «отношения Закавказья и Турции изменились и дошли даже до военных столкновений». Границы, установленные Брест-Литовским договором, не могут быть приемлемы, они должны быть исправлены соответственно изменившимся обстоятельствам. При этом председатель турецкой делегации Халил-бей вручает Закавказской делегации проект предлагаемого оттоманским правительством мирного договора. Из этого проекта видно, что к Турции присоединяются далеко за пределы Брест-Литовского договора значительные территории из Тифлисской, Кутаисской и Эриванской губерний. Причем железная дорога Александрополь—Нахичевань оставалась в пределах оттоманской империи. Турецкое правительство обязуется оказывать Закавк. правительству помощь вооруженной силой для обеспечения внутреннего порядка и безопасности в стране (ст. II). Закавказское же правительство в свою очередь, обязуется действительным образом препятствовать образованию и вооружению банд в пределах ее территории и, в случае необходимости, оказывать вооруженной силой содействие турецкому правительству в разоружении и рассеянии всех банд, которые бы там сформировались (ст. III). Таким образом, Закавказскому правительству диктовалось быть союзником Турции, орудием в руках последней. Для Турции открывалась широкая арена действий в Закавказьи, ввиду чего последнее переставало быть независимым государством, становилось в некотором отношении вассальной провинцией Турции.

Обмен в течение 2-х недель нотами и меморандумами между закавказской и турецкой делегациями ни к чему не привел. Представитель германской делегации ген. фон-Лоссов, обращаясь письменно 18 мая к председателю закавказской делегации, предлагает свои «добрые услуги в качестве посредника», в виду того, что «Батумские переговоры не подвигаются и сношения, имевшие место между турецкими и закавказскими представителями, не имели до сих пор успеха». Закавказской делегацией было с удовлетворением принято предложение «добрых услуг фон-Лоссова, как посредника», но отклонено турецкой делегацией, вследствие чего игра в жмурки фон-Лоссова не состоялась. К этому времени под прикрытием «доброжелательности и благосклонности» фон-Лоссовых к Закавказью с ведома и согласия их турецкие паши лихорадочно развивали кровавые события в Эриванской губернии. Точнее сказать, они совершались турками под диктовку германских империалистов фон-Лоссовых. Если бы это было не так, то они могли бы без всякого труда остановить свою союзницу, предупредить ее не делать ни шагу вперед против желаний главы четверного союза—Германии.

Главнокомандующий турецкими армиями Вехиб-паша через посредство Халил-бея сообщает 14 мая Чхенкели о том, что он «находится во властной необходимости отдать без дальнейшего промедления приказ (с раннего утра 15 мая) о продвижении войск по железной дороге Александрополь—Джульфа с целью противодействовать операциям англичан в пределах Персии, а также действиям, производящимся против шестой императорской армии». На следующий день (15 мая) Чхенкели «протестует самым формальным и самым энергичным образом против этого акта, являющегося прямым нарушением суверенитета Закавказской Республики».

Об этом решении турецкого главного командования было уже известно Чхенкели и армянам членам делегации за два дня до приведения его в исполнение. Прежде чем отдать приказ, Вехиб-паша и Халил-бей предупредили их об этом за два дня, частным образом, неофициально, уговаривали в течение 2-х дней добровольно, «дружественным образом» согласиться на пропуск турецких войск по железной дороге, об'ясняли причины, побудившие их к такому решению. Зная об этом намерении турок, хотя бы частным образом, почему-то предс. Чхенкели и армяне члены делегации (Качазнуни и Хатисов) не сочли своим долгом предупредить заблаговременно в течение 2—3 суток Алескандропольские власти и закавказское правительство. В результате произошло то, что по получении от Вехиб-паши приказа, турецкие войска начали в 7 часов 15 мин. утра 15 мая бомбардировать Александрополь, что и вызвало страшную панику и беспорядочное массовое бегство несчастных жителей города, бывших в полном неведении того, что происходило.

Уступая силе, «делегация Закавказской Республики и правительство сделали все возможное для облегчения провоза турецких войск, приняли меры к тому, чтобы их продвижению по железной дороге Александрополь—Джульфа в Персию не чинилось препятствий» *).

После захвата города и железной дороги перед вражескими силами открывалась широкая арена всякого рода бесчинств, насилий, массовой резни и увода жителей городов и сел.

Военный пожар, охвативший в мае и июне месяцы Каракилисский, Сардарабадский, Башабаранский, Игдырский, Камарлинский, Нахичеванский районы и другие части Эриванской губернии, представляет историю средневекового варварства и дикости, участниками в которой являлись современники 20-го столетия.

Надо только здесь отметить, что героическое сопротивление и бои наших войск в Караклисском районе, в которых принимали участие многие из народных масс, задержало наступление турок, расстроило явно обнаружившийся у них план нашествия на столицу Закавказья.

Вопреки желаниям и усилиям закавказской делегации разрешить

*) См. письмо Чхенкели 18 мая на имя предс. турецкой делгации.

конфликт дипломатическим путем, турки встречали, однако, сопротивление, отпор со стороны наших военных и гражданских сил. Надо было врагу устранить препятствия на своем пути для скорейшего достижения своих стратегических и политических целей.

Одним из этих главных препятствий являлся Бакинский пролетариат, который, отстаивая завоевания революции, геройчески боролся под руководством большевиков против всякого рода контр-революционных сил.

Враг принимал все более решительные меры. Переговоры в Батуме затягиваются; в продолжении 2-х недель стороны ни к чему не пришли. Обстоятельства складывались в пользу врага. В Батум с'ехались делегации почти от всех мусульманских областей Закавказья. Агенты Турции, феодально-реакционные элементы, муссаватисты делали свое дело. Именно агитацией этих черных сил и под их руководством образовались все эти бекские делегации, представлявшие дворянско-помещичьи интересы мусульманского населения, отнюдь не интересы самого населения. Все они заявляли, что делегация закавказского правительства не представляет их интересов, они требуют присоединения к Турции мусульманских областей Закавказья, подают в этом смысле петиции турецкой делегации. Все изменники Закавказья ликуют, торжествуют бесславную, антропофобскую победу свою турко-германские империалисты. Закавказье распалось благодаря усилиям и услугам, оказанным им всеми внутренними врагами рабочего класса нашей страны.

Ген. фон-Лоссов спешит в Германию, чтобы инфромировать в деталях свое правительство о сравнительно легкой и бескровной победе. Письмом от 25 мая он сообщает председателю закавказской делегации, что он решил покинуть вечером того же дня Батум, в виду того, что «Закавказская Республика и закавказское правительство в настоящее время находятся в стадии распадения», и что «по исчезновении Закавказской Конфедерации он не имеет инструкций продолжать переговоры, и в целях получения новых инструцкий необходимо ему вступить в словесный и личный контакт с подлежащими германскими властями».

Еще более важный документ из себя представляет последний ультиматум турецкой делегации, датированный 26-м мая. Он требует у закавказской делегации в течение 3-х суток ответить в категорической форме на предложения Турции: о свободном пропуске войск через Кавказ по железным дорогам, о новых границах, указанных в проекте договора турецкого правительства. «Без отсрочки должен быть положен предел двусмысленности настоящего положения».

Причины подобного отношения Турции перечислены в ультиматуме: «Сотни тысяч тюрков и мусульман терпят в Баку и окрестностях кровавое ярмо безжалостных бандитов, так называемых, революционеров, и непоправимая катастрофа, угрожающая этим несчастным, становится все более и более неизбежной». Турецкое правительство не может не обратить

серьезного внимания на «анархию, раздирающую Кавказ, касающуюся также и, главным образом, безопасности населения, имеющего самое тесное сродство расы и религии с населением империи», оно не может «равнодушным оком видеть, как в пограничной с Турцией территории многочисленные организованные банды грабителей и злоумышленников причиняют мусульманскому населению систематически разного рода насилия».

«С другой стороны, неизбежные требования всеобщей войны ставят императорское правительство (как и четверной союз во главе с Германией, прибавим мы от себя. С. Т. А.) перед необходимостью обеспечить свободный пропуск войск через Кавказ в целях перевозки их по железным дорогам и насколько возможно скоро на другой театр операций» *).

На этом кончилась Батумская конференция, на которую возлагали большие надежды наши герои дипломатических авантюр.

Она кончилась более позорно, чем трапезундская. Закавказское правительство представило доклад о батумских делах Сейму в последнем его заседании от 26 мая.

Прежде чем говорить о решениях Сейма, я должен отметить один важный исторический факт, нигде еще не отмеченный и неизвестный широкой публике.

После погрома Александрополя и захвата турками города и железной дороги (15 мая), некоторые видные политические деятели из социал-демократии отправились во главе с Жордания в Батум с целью ознакомления с положением дел. Через несколько дней Жордания и другие вернулись в Тифлис. Утром 25 или 26 мая состоялось заседание с.-д. конференции в зале городской думы под председательством Жордания. Нам казалось странным, что до открытия заседания настроение Жордания, Церетели было не только удрученное, а радостное по необ'яснимой для нас причине. Докладывает Жордания о ходе батумских переговоров, после чего ставится вопрос о распадении Закавказья и об'явлении независимости Грузии. Многие из товарищей были того мнения, что все было заранее устроено, вопросы о роспуске Сейма, об об'явлении «независимости» Грузии были уже предрешены за кулисами. Имели место горячие дебаты. Жордания, восхваляя во время своего доклада деятельность Чхенкели, заявляет, что он пользуется хорошей репутацией, к каждому его слову и мнению прислушиваются с особенным вниманием турки и германцы. Жордания горячо настаивает на необходимости об'явить независимость Грузии. «Правда, говорил он, среди кавказских народов наихудшая доля падает на армянский народ, но не на нас падает за это ответственность, а на ту партию (намек на «Дашнакцутюн». С. Т. А.), в руках которой находилась судьба армянского народа» *).

«Моя хата с краю»—вот квинт-эссенция его речи. Меня не касает-

---

*) Это была, по моему, самая главная из причин ультимативного требования Турции. С. Т. А.

**) Почти дословно воспроизвожу мысль Жордания.

ся все то, что может случиться с другими народами или народом, лишь бы мой народ, моя нация была во всех отношениях обеспечена и ограждена. Что мне за дело, если средства и решения, принимаемые мною для обеспечения жизни и блага моего народа, могут оказаться гибельными, смертельными для соседних братских народов. Вот весь смысл жалкого суждения Жордания, суждение, свойственное только националисту pur sang, отнюдь не демократу, тем более социал-демократу.

По мнению Церетели, вопрос о разложении единой политической жизни края должен считаться уже решенным; другого исхода нет; тяжелое, невыносимое положение вынуждает об'явить независимость Грузии и принять протекторат Германии. Конечно, предпочтительнее английский империализм, чем германский, но от англичан в данный момент непосредственной помощи ожидать невозможно.

До настоящего времени, несмотря на то, что с тех пор уже прошло 5 лет, никому ничего определенного неизвестно о результатах поездки Жордания и других в Батум. В виду того, что актами отделения Закавказья от России 9 апреля и об'явления 26 мая «независимостей» друг от друга территориальных частей Закавказья, открылась неслыханная, длительная кровавая эпоха в политической истории нашей страны, все бедствия и несчастия которой обрушились преимущественно на рабочую демократию, то естественным является требование ее к своим бывшим вожакам открытого, ясного ответа на вопросы: что сделали они в Батуме, в какие переговоры вступили там с представителями Турции и Германии, с кем и какие условия соглашения были заключены ими? В какие отношения они вступили с представителем германской делегации ген. фон-Лоссовым? Не была-ли предложена ему коалиция с Германией при условии согласия германского правительства на протекторат над Грузией? Ведь, никто другой, как Жордания (предс. нац. совета Грузии) в сопровождении Вешапели (т. председателя), являвшийся в ноябре 1917 года (значит, после октябрьского переворота) в армянский национальный совет, делает предложение по-товарищески и по-дружески исполнительному комитету последнего о вступлении в коалицию или в союз с Германией. На это странное, неожиданное для себя предложение арм. нац. совет не был в состоянии дать готовый, определенный ответ. Действительность этого факта нигде, к сожалению, не зафиксированного, не запротоколированного, может быть установлена и доказана многими надежными свидетельскими показаниями. Известно, что в этом направлении стала работать с начала же возникновения мировой войны заграничная группа шантажистов—Кереселидзе, Магалова, Сургуладзе, идейных товарищей Вешапели—Гвазава, вступившая в соглашение с Германией *) и воевавшая в рядах турецких войск против России.

*) Германское правительство обещало названной группе „независимость Грузии“ и снабдило ее крупными суммами на пропаганду и агитацию в пользу империалистической политики Германии.

С этой же миссией Чхенкели был командирован в Германию после распадения Закавказья и об'явления «независимостей».

Наступил для всех кавказских националистов желанный час. Состоялось днем 26 мая последнее заседание Сейма. После выступления представителей всех фракций, Сейм об'явил себя распущенным и закавказское независимое государство распавшимся. Вот последнее решение Сейма, принятое большинством всех голосов против двух: «В виду того, что по вопросу о войне и мире обнаружились коренные расхождения между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, и потому стало невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распадения Закавказья и слагает свои полномочия».

Это решение было сообщено в тот же день всем державам Старого и Нового Света.

Таким образом, «Закавказская независимая республика» просуществовала всего 47 дней (с 9 апреля по 26 мая 1918 года).

Сейчас же после закрытия последнего заседания покойного Сейма состоялось в 4 ч. 15 мин. в том же зале Сейма заседание национального совета Грузии под председательством председателя исполнительного комитета его Ноя Жордания.

При занятии места председателя, он, в сопровождении своих коллег—членов президиума Ласхишвили, Вешапели и Саквареллдзе, был встречен собранием бурными аплодисментами. В зале присутствуют 42 члена национального совета и 36 кандидатов. В ложах и на галлерее многочисленная публика: представители национальностей, начальник германских войск граф Шулленберг в сопровождении германских офицеров. В ложе поместились также митрополит тифлисский Леонид со свитой и грузинское офицерство. Над крышей дворца, вместо снятого красного флага, развевается грузинский флаг. Стена, у которой помещается президиум, украшена также двумя национальными флагами.

Только один грузин-рабочий с.-д., не будучи в состоянии видеть эту националистическую вакханалию, имел смелость сорвать один из флагов и выкинуть красный флаг революции в присутствии взволнованной националистической публики. Это означало сигнал того, что была жива интернациональная социалистическая демократия в лице его знаменосца.

Заседание открывается речью председателя. Это была одной из тех шаблонных речей, которые в последнее время стали уж слишком резать слух рабочей аудитории. Читаешь эту искусственно построенную, неудачную речь и спрашиваешь себя: стоит-ли перед тобой национал-либерал, национал-демократ или социалист Жордания?

После речи председателем оглашается по пунктам готовый акт независимости Грузии, чтение каждого пункта вызывает бурные аплодисменты. Затем тов. председателя Вешапели читает тот же акт на русском язы-

ке. Оглашается председателем также намеченный исполнительным комитетом национального совета состав нового правительства из 8 членов (Рамишвили, председателя правительства и министра внутренних дел, Чхенкели, Георгадзе, Журули, Ласхишвили, Хомерики, Месхишвили и Лордкипанидзе).

Один из пунктов акта независимости (п. 7) гласит: «До созыва учредительного собрания во главе управления всей Грузией стоит национальный совет, пополненный представителями национальных меньшинств, и временное правительство, ответственное перед национальным советом».

Как видите, все было предвидено, заранее предрешено и устроено за кулисами национального совета Грузии, и сейчас же после роспуска Сейма вожаки национального совета предстали перед публикой и специально приглашенными высокопоставленными лицами гр. Шулленбергом, митрополитом Леонидом и др. с готовым актом независимости Грузии и новым правительством.

В тот же день было сообщено всем главным державам об об'явлении независимости Грузии и образовании нового государства *).

В те же дни образовались также «независимые» государства Армении и Азербайджана.

ГЛАВА XV.

В заключении нахожу необходимым выяснить некоторые вопросы общего характера, вопросы о том, что дало закавказским народам и рабочей демократии отторжение и независимость Закавказья от России, каковы были методы и тенденции политической деятельности ответственных руководящих кругов края, какие обстоятельства и условия оправдывали, по мнению представителей доминирующей в крае политической партии, их образ действия именно в этом, а не в другом направлении.

Мы не будем говорить о значении и характере трапезундских и батумских мирных переговоров. Основываясь на массе данных и документах, мы в достаточной мере определили их политическое и стратегическое значение, указали обстоятельно на то, в каком направлении они были ведены.

Для турко-германского империализма важно было всеми мерами парализовать революционное движение страны, искоренить «анархию», надвигавшуюся с севера на наш край, нанести смертельный удар советскому режиму Бакинского пролетариата путем дезорганизации и расстройства социально-политического единства разноплеменного населения и оккупации края, дабы очистить и открыть, таким образом, свободный

---

*) См. сб. докл. и мат. по вн. пол. Закавказья и Грузии об «Об'явлении независимости Грузии», стр. 332—338.

путь к азиатскому фронту мировой войны, против англичан, действовавших тогда в Персии и в других частях Ближнего Востока.

Само собой понятно, что турко-германские, как и вообще империалистические силы, как бы они не были неумолимы и жестоки в своем наступательном движении, стремятся, насколько это возможно, с наименьшей затратой сил и жертв, захватить территории, подчинить и подавить население их, увлечь массы господствующих классов разными надеждами и подачками вплоть до обещаний национальных свобод и независимостей. Они ищут на своем пути союзников и агентов для безболезненного достижения намеченных ими империалистических целей. Этого добиться им пришлось бы сравнительно трудно, если бы Закавказье было неразделимо с Россией, в данном случае с Советской Россией, на союз с которой турко-германские империалисты не могли бы расчитывать. Для этого им необходимо было отделение Закавказья от России. Они пред'явили закавказскому правительству это условие как conditio sine qua non для заключения мира. С другой стороны, этим внешним силам мешал единый социально-политический фронт Закавказья; надо было разрушить общий фронт, раздробить край на враждебные друг другу территориальные части. В последнем случае им легче было справиться с каждой из них в отдельности, опираться на ту или другую из них. Вот почему они сделали все возможное, чтобы разложить общий социальный состав населения края, вот почему они добились образования независимых, враждебных друг другу миниатюрных государств.

Империалисты нашли в нашем крае много горючего материала, плодотворную почву, общественные группы, готовые оказать им всевозможные услуги и содействие.

Некоторые общественно-политические группы, даже передовые из них, каковой до тех пор считалась грузинская социал-демократия, пошли навстречу требованиям империалистов, отдались служению их делу, стали волей неволей их союзниками.

Пусть не говорят, что руководящие политические круги из грузинской секции с.-д. партии, вынуждены были под давлением непреодолимых событий и внешних сил склонить свою голову, выполнить их требования. Не отрицая вовсе огромного значения влияния этих сил, невозможно, однако, игнорировать равным образом важное значение националистического психоза, волевое тяготение некоторых социалистических элементов к особому роду национального «самоопределения», не имеющего ничего общего с принципами свободного национального самоопределения.

Это тяготение и тенденция кавказского национализма проявлявшиеся в особенно ярких формах в 1917—1918 годах, как у социалистических, так и у несоциалистических групп, вполне совпали с видами и планами внешних империалистических сил, что и прекрасно использовали они для своих целей.

Необходимо принять во внимание этот важный момент нашей поли-тической жизни того периода, иначе невозможно всесторонне понять по-ложение, создавшееся в 1918 году.

Социал-демократия *) стала в последнее время на путь сепаратизма, горячо отстаивала необходимость отделения Закавказья от России и неза-висимости его. Это об'яснялось, несомненно, влиянием внешних сил и необычайных событий, развертывавшихся в то время в России и в на-шей стране. «Но среди внешних сил, решающую роль сыграла одна внешняя сила, толкавшая закавказскую демократию на путь об'явления независимости. Эта внешняя сила — большевизм». **).

Таково об'яснение Церетели, данное им в своей речи на заседании Закавказского Сейма 13 апреля.

Выходит по Церетели, выражавшему мнение с.-д. фракции, что большевизмом об'ясняется, главным образом, решение закавказской демо-кратии отделиться от России; большевизмом об'ясняется сепаратистический угар, охвативший грузинскую социал-демократию в 1918 году. Это, конечно, исторически совершенно необоснованное, неправильное толкова-ние вопроса.

Закавказская демократия никогда не думала и не высказывалась за отделение от России, она, наоборот, всегда стояла за единство с Россий-ской демократией, а ее передовая, сознательная часть — Бакинский пролетариат — отчаянно боролась за Советскую власть, за единство с Советской Россией.

Свалить всякого рода обвинения на большевизм и пройти молчанием мимо крупных дефектов политики грузинск. руководителей, отрицательных сторон, непростительных шагов и действий грузинской социал-демокра-тии, плачевные последствия которых стали в свое время известны всем, есть жалкий прием борьбы, не могущий претендовать ни на об'ектив-ность, ни на добросовестность.

Большевизмом-ли могут об'яснить Церетели и его единомышленники наличность националистического, чхенкелистского течения в грузинской социал-демократии? Оно всегда существовало в грузинской социал-демо-кратии. В дни реакции только обнаруживало оно более ярко свою настоя-щую природу.

Сторонники этого течения с давних времен носились своими край-ними «патриотическими» идеями. Еще до октябрьского переворота они отстаивали идею «национально-территориальной автономии» Грузии, ту самую идею, которую отстаивала всегда партия Вешапели—Гвазава.

Национальный вопрос (проект Жордания) был решен на июльском с'езде зак. с.-д. организаций 1917 года в духе националистического крыла грузинской социал-демократии.

---

*) Я имею в виду всегда ее грузинскую фракцию.

**) „Большевизм — внешняя сила"! Странное, однако, выражение, до-пущенное Церетели, слывшим за вождя Всероссийской демократии..

Децентралистические и сепаратистические тенденции уже были заметны в рядах грузинской социал-демократии еще до Октябрьского переворота.

История революций показывает, что радикальные перевороты толкали всегда опортюнистические умеренные общественные группы и реакции. То же случилось и с грузинской социал-демократией после октябрьского переворота.

Но за подобный уклон грузинской социал-демократии нельзя ставить в вину ни большевизм, ни Октябрьский переворот.

Церетели и другие находили, что сепаратизм, отпадение закавказской демократии от Российской им не очень приятны и выгодны с точки зрения интересов рабочей демократии. Одно это сознание должно было удержать их от всякого рода партикулярных, сепаратистических шагов, направить их усилия к сохранению единства социально-политического фронта рабочей демократии. Но этого не случилось, на это они оказались неспособными.

С самого же начала февральской революции, грузинская социал-демократия сошла с пути классовой борьбы. Национальные задачи, которые она ставила себе, разрешались ею вне зависимости от социально-политических задач и интересов рабочей демократии. Не социальную, классовую борьбу она вела, а национальную. В борьбе за торжество своеобразно понятой «национальной» идеи, она вступила в коалицию, союз не только с классами помещиков и буржуазии собственной нации, но и с представителями тех же классов соседних наций — тюркской и армянской.

В союзе с реакционной мусульманской партией феодалов «Муссават» и националистической буржуазной партией «Дашнакцутюн», она боролась с «анархией» Севера, с большевизмом Кавказа. Эта борьба ничего другого не означала, как выступление против пролетариата, против самой революционной части его — Бакинского пролетариата, которая шла под знаменем Советской власти. Непримиримая борьба, которую она вела с большевизмом, ослабляла революционный порыв пролетариата, содействовала его поражению.

В то время, когда социал-демократы в Грузии вступили, во имя «солидарности наций» и торжества «национальной» идеи, в общеполитический, единый фронт с феодально-буржузаными, реакционными партиями и похоронили, таким образом, принцип классовой борьбы, сошли с революционно-социалистического пути, в это же самое время бакинский пролетариат, оставшись верным классовому инстинкту, принципу классовой борьбы, вел в течение шести месяцев отчаянную борьбу в Баку, его окрестностях и на закавказском железнодорожном районе от Баку до ст. Кюрдамир против внутренних и внешних контр-революционных сил. Можно только удивляться стойкости, упорству, с которыми бакинский рево-

люционный пролетариат так долго воевал с врагами при неслыханных лишениях, осажденный со всех сторон контр-революционными бандами.

Шестимесячная эпопея пролетарских битв в Бакинском районе составляет, несомненно, одну из блестящих страниц современной истории пролетарских революций.

Научно-об'ективное исследование этого периода политической истории Кавказа, являлось бы благодарной работой, к чему должна безотлагательно приступить историография пролетариата.

Величайшей исторической ошибкой, равносильной измене пролетариату и социализму, была та, что грузинская социал-демократия—руководящая в то время политическая партия—покинула в критические моменты наступления внешних и внутренних контр-революционных сил социалистическую тактику революционно-классовой борьбы против тех и других.

Во имя «физического самосохранения наций и межнационального мира закавказских народов», она стремилась к союзу, к об'единению классов трудящихся с господствующими реакционными классами. Этим путем она думала «спасти» страну в переживаемые ею критические моменты.

Церетели, Жордания и другим не нравились методы борьбы революционного пролетариата, которым руководили большевики. Они противопоставляли их методам борьбы свои методы сотрудничества и солидарности с реакционными классами эксплоататоров кавказских народов. Эта была политика сохранения единства и солидарности с господствующими классами.

Допустима-ли была эта политика для социалистов? Мыслимо-ли было ее осуществление в жизни? Вступление в союз, сотрудничество с такими от'явленными врагами и изменниками нашей страны и рабочей демократии, каковыми являлись, напр., муссаватисты, не означало-ли обречение края на верную гибель? Г.г. Чхенкели, Жордания, Церетели скорбили и жаловались на то, что нет единства в Закавказьи, что отсутствие его являлось, по их мнению, главной причиной расцадения Закавказского независимого государства, всех бедствий, переживаемых страной. Но все они, очевидно, не в состоянии были думать, что подобное единство не могло быть мыслимо между враждебными классами, преследовавшими совершенно противоположные, социально-политические классовые интересы. Вместо того, чтобы опираться на единство рабоче-крестьянской демократии, они питали иллюзию создать общий фронт классов эксплоатируемых и эксплоататоров, угнетенных и угнетателей для «спасения наций» от гибели.

Социал-демократы разучились думать и говорить социалистически. Они, повернувшись спиной к революционно-классовой борьбе и руководству трудящихся масс в этом направлении, возлагали свои надежды только на своих союзников—Муссават и Дашнакцутюн, на их любезность и

благосклонность воздействовать на идущие за ними массы в желательном направлении. Но это была самая опасная и шаткая позиция, печальные последствия которой не заставили долго ждать.

Злобу дня составляла, как всегда, политическая отсталость преимущественно мусульманских масс.

Что же надо было делать революционной социал-демократии? Развернуть в крае революционную работу на социально-классовой почве для борьбы против господствующих реакционных классов, несмотря на кажущееся влияние их на широкие массы. Страх перед опасностью безудержного стихийного движения отсталых масс был совершенно неоснователен и неуместен. Можно с уверенностью сказать, что рабочие и крестьянские массы отвернулись бы от своих «благодетелей» в случае правильного подхода к ним. А, ведь, успех революционного дела в большинстве случаев зависит от такта и разумного применения социалистической тактики.

Расположенность армянских масс к России, их сочувствие к русской ориентации были всем известны.

В главном очаге кавказской контр-революции—в Елисаветпольской губернии—началось с первых же дней января 1918 года массовое аграрное движение мусульманского крестьянства против своих вековых угнетателей—беков и ханов. Оно истребляло их. Вот этот важный момент был совершенно упущен из виду и надо полагать, что энергичной, самоотверженной революционной агитацией и пропагандой среди восставших крестьянских масс при активном участии и содействии мусульманских и других социалистических элементов можно было бы в течение короткого времени если не совсем устранить, то в значительной мере дискредитировать авторитет, ослабить влияние на них феодалов.

Не борьба непримиримая с большевизмом России и Кавказа, а союз с ним, общий революционный фронт дал бы победу над контр-революцией.

Нет сомнения, что это была бы жестокая, отчаянная борьба, гражданская война с переменой шансов на победы и поражения, со всеми возможными ужасами и бесчисленными жертвами.

Все это понятно и ясно. Но la guerre comme à la guerre.

Ужасы и жертвы в этом случае были бы гораздо ничтожнее сравнительно с теми жертвами и ужасами, которые пережили кавказские народы в 1918 году во время оккупации нашей страны чужеземными силами и после—в кровавую трехлетнюю эпоху беспрерывных войн между новообразовавшимися и «независимыми» государствами Кавказа.

Но вершители судеб Кавказа поступили иначе. Они думали в блоке с господствующими контр-революционными силами исчерпать—путем соглашений и мирных дипломатических переговоров—все внутренние разногласия и разрешить национальный вопрос в Грузии и на Кавказе с помощью штыков турецкого султана и германского кайзера Вильгельма.

Да, они «разрешили» национальный вопрос ценой уничтожения со-

ветов рабочих депутатов Баку, подавления бакинского революционного пролетариата, бакинской и повсеместной резни армянского трудового населения.

Известно отношение правящей социал-демократической партии Грузии к большевистским рабочим советам гор. Баку до и после распадения Закавказья.

В период существования Сейма мусульманские «дикие» полки под руководством партии «Муссават» и мусульманского национального совета долго и упорно воевали с очагом революции Кавказа, чтобы раздавить революционный пролетариат и уничтожить там рабочие советы.

Закавказский комиссариат, в котором руководящая роль принадлежала социал-демократии, смотрел сквозь пальцы на все то, что происходило в этом районе, относился равнодушно к тому, как организовывались и сплачивались контр-революционные силы против Бакинского пролетариата.

Отношение же вожаков грузинской социал-демократии к большевизму было, как уже не раз указано нами, определенно враждебное и непримиримое. На социал-демократических собраниях можно было бы слышать нередко странные мнения и крайне резкие выражения по адресу партии, руководившей российским и отчасти кавказским пролетариатом. В борьбе с большевиками все средства были допустимы. Иные из социал-демократов выражали нескрываемую готовность бороться рука об руку с турками против большевистской «анархии».

Член сейма «социалист» Лордкипанидзе в речи, произнесенной им в заседании Сейма 13 апреля, указывал на то, что «и некоторые здесь в зале заседания, среди членов Сейма, и в ложе журналистов уже говорят о том, раз об'явлена независимость, то надо позвать турецкие войска и отстаивать турецкими штыками независимость Закавказья от идущих с севера большевиков». Оратор не одобряет этого мнения, называя его «легкомысленным», однако, он стоит за то, чтобы «общими средствами со всех сторон отстаивать независимость» *).

Это означало ничто другое, как общими усилиями вместе с муссаватскими и др. контр-революционными силами вести борьбу за «независимость» против «идущих с севера большевиков». Можно смело сказать, что это мнение было тогда доминирующим в руководящих социалистических кругах. Таким образом, «социалисты» видели опасность для независимости со стороны большевиков, между тем поддержки и защиты этой независимости они ожидали от муссаватистов и подобных им всякого рода черносотенных шаек, агентов феодальной деспотической Турции.

Конечно, член Сейма Лордкипанидзе был прав в том, что он и подобные ему «социалисты», тем более социал-демократы не стояли за то,

*) См. стенографический отчет, зас. Зак. Сейма от 13 апреля 1918 г.

чтобы позвать турецкие войска. Но, ведь, их политическая позиция, помимо их воли, широко открывала двери, расчищала путь для вторжения в край турецких войск. Конечно, социал-демократы отнюдь не думали позвать турецкие войска, но правительство «независимого государства» Грузии, в лице его председателя социал-демократа Ноя Рамишвили, подписало 4 июня 1918 года предложенный турецкий договор, в силу которого оно обязывалось предоставить «свободный» пропуск и перевозку турецких войск по главным стратегическим железн. дорогам Республики».

Акт об'явления независимости Закавказья был величайшим несчастием для Закавказья, горькие плоды которого испытали кавказские народы в последовавшие за ним кровавые годы. Бессмысленно и неосторожно были порваны вековые связи со страной, так много способствовавшей экономическому, социально-политическому и культурному развитию наших народов. Без России Кавказу немыслимо было существовать и развиваться нормально.

Просуществовав не более 47 дней, «независимое» Закавказье раскололось турко-германскими штыками на мелкие куски.

Очень скоро события доказали неопровержимо, что были глубоко неправы те, которые, яростно отстаивая отделение и независимость Закавказья от России, думали спасти страну от турецких штыков и гарантировать ее народам «национальные свободы и независимость». После этого акта, как это мы видели, враг не остановился; он заставил 26 мая расходиться по домам и подчиниться всем своим повелениям.

Создались Кавказские Балканы, перед кровавой историей которых бледнеют самые мрачные эпохи истории Балканских народов.

В конце 1918 года мы писали: «Нашего спасения надо только искать в политическом единстве закавказских народов и в восстановлении революционной России.

Социально-политическое единство международной рабочей демократии нашей страны, ее классовая борьба за это единство на всех фронтах и союз с революционной Россией,—вот что может только вывести нашу страну из того трагического положения, на которое обречена она, начиная с 1918 года по настоящее время *).

История осчастливила нас видеть осуществление желанного. Кавказские народы, федерировавшись уже год тому назад, вступили ныне в союз с великой страной современных Великих Революций.

Это знаменует собой реальный шаг к победе труда и социализма.

КОНЕЦ.

---

*) См. мою раб. „Политическая жизнь Закавказья в 1918 году" на армянском языке, стр. 71.

ТРУДЫ АВТОРА.

1. **„Страхование рабочих в Зап. Европе и России“** (на арм. яз.). Тифл. 1894 г.
2. **„Блудный сын“**, драма в 5 действ. (на арм. яз.). Тифл. 1905 г.
3. **„Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе“** с предисл. Г. В. Плеханова.
   I изд. Женева. 1910 г.
   II изд. (Госиздат.) Москва 1923 г.
4. **„La Guerre actuelle et le socialisme“** в 2-х част. Шо-де-фон. (Швейцария) 1915 г.
5. **„Воспоминания о прошлом“** (на арм. яз.) Тифл. 1918 г.
6. **„Политическая жизнь Закавказья в 1918 году“** (на арм. яз.) Тифл. 1919 г.
7. **„Записки Революционера“**, непериод. издание № 1. Тифлис 1920 г.
8. **„Материалы по истории отпадения Закавказья от России“** Тифл. 1923 г.

Цена 85 коп.

